

Шмелев И. В.

История села Мотовилово

Дневник
Тетрадь 1

16+

**Иван Васильевич Шмелев
Александр Юрьевич Шмелев
История села Мотовилово
Дневник Тетрадь 1**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39292970

SelfPub; 2023

Аннотация

Дневник русского крестьянина Шмелева Ивана Васильевича, в котором он описал историю родного села Мотовилово, Арзамасского района, Нижегородской области.

Иван Шмелев

История села Мотовилово Дневник Тетрадь 1

*Историю России знать надо, а
историю родного Села знать необходим*

Пожилому человеку отрадно вспомнить Старину!

*Не зная Прошлого, мы не в полной мере
будем пребывать в Настоящем и смутно
будем представлять о Будущем!*

Село Мотовилово

Имея благонамеренное побуждение и доброжелательность для будущего поколения и настоящих жителей села Мотовилова, я решил излагать повествование об истории нашего родного села. Прежде всего, надо начать с места расположения села. Вот его адрес. По-старому: Нижегородской губернии Арзамасского уезда; по-современному: Горьковская область, Арзамасский район, село Мотовилово.

Соседи наши: село Вторусское (к востоку 2 км); село Волчиха (к юго-востоку 4 км); село Ломовка (к югу 5 км), за Ло-

мовкой Спиртзавод (Хутор), ранее до революции принадлежавший помещику Кашееву (7 км); село Верижки (к западу 2 км), село Чернуха (на запад 5 км) и тут же железнодорожная станция «Сережа» (3 км).

На север от села Мотовилова находится сосновый лес, за ним река Сережа, а за ней смешанный лесной массив, занимающий огромное пространство. Около станции «Сережа», у реки, находится берёзовая роща, где раньше были дачи «Шубино», принадлежавшие некому Шверину, после революции здесь был создан Дом отдыха, а в наши дни противотуберкулезный санаторий. За рекой Сережей, в лесу, километрах в восьми от нашего села, находится лесной посёлок «Прорыв», где раньше была паровая лесопилка с мельницей, которую сломали и перевезли в другое место в двадцатых годах.

Точной даты возникновения села Мотовилова, конечно, никто не знает, а если верить летописцу, который повествует о истории города Арзамаса, где указывается, что при нашествии хана Батя на мордовские земли (1240г.), мордва разбежалась из своих мест, и укрывались в диких непроходимых лесах. Среди мордвов был некий мордвин Теш, поселившийся на том месте около реки Сережи, где впоследствии образовалось мордовское селение «Втаресь», которое потом преобразовалось в село Вторусское (1400г.).

Основание села Мотовилова можно отнести примерно к 1613 году, когда ополченцы Минина и Пожарского после освобождения Москвы, возвращаясь из Нижнего Новгорода, поселились у озера; среди поселенцев были преимущественно вязьмичи и дорогобужане.

Первых людей, желавших поселиться на месте, где впоследствии образовалось наше село Мотовилово, конечно, в первую очередь привлекло озеро и близость леса, который в те времена примыкал к самому озеру, да и, пожалуй, само то озеро было окружено лесом. Первые жители могли построить свои жилища окнами на солнышко и одновременно на озеро, таким образом, принимая во внимание человеческий инстинкт и логику, первые избы были построены на том месте, где сейчас проживают Хоревы и Бурлаковы. Благо сосновый лес для постройки жилья был прямо под руками, а болото, находившееся на задворках, по сей день сохранило название «Сосновое».

В доказательство того, что первые поселенцы поставили себе избы именно на этом порядке, где проживают Хоревы и Бурлаковы, служит и то, что: 1) эта улица не имеет своего названия; 2) избы смотрят на юг и на озеро; 3) наличие хорошего берега, удобный подход и подъезд к воде.

Сначала был один порядок, избы которого в беспорядке располагались от «прогона», где гоняли на пастьбу скот и ранее проживали Шмелевы (прогон в старину называли Шмелевым), и до угла, где сейчас проживаю я.

В старину оседлые, коренные, селитбенные места располагались по порядку так: Шмелевы, Крисламовы, Малафеевы, Шмелевы, Акишины, Малафеевы, Садовы, Бурлаковы, Владыкины, Хоревы, Аникины, Муратовы, Лабины, Крюковы, Шутовы, Железины, Пучковы, Молодцовы.

Когда же семьи стали расти, особенно большая семья была у Хоревых. Они стали делиться и, желая жить вблизи родных, отделявшиеся строили свои дома против своих родственников; так появился второй порядок улицы, избы которого располагались окнами уже на север – задами к озеру.

Вначале образованная улица была до того узка, что впоследствии при постройке новых домов жителям красного порядка пришлось строить свои избы, отступая назад саженей на 10, чтобы улица была довольно просторной и удобной для проезда. В подтверждение этого предположения служит то, что при рытье канавы в наши дни под водопроводные трубы вдоль дороги улицы, она как раз попала на подпола находившихся когда-то здесь изб.

Вначале образования села были особо большие две семьи:

Хоревы и Бурлаковы; недаром места и фамилии их особенно распространены в центре улицы на обоих порядках. А Хоревых называли «большими». Вторая улица появилась на высоком берегу озера, название которой жители дали – «Мотора», первые слоги этого слова, между прочим, имеются и в самом названии села Мотовилова. Что означает слово «мотора», конечно, никто не знает, само название села Мотовилова неизвестно откуда произошло и как оно расшифровывается. Оно имеет как бы две части: «Мото» и «вилово» от слова «вилы»; но как правильно их сочетать и осмыслить – это, пожалуй, затруднительно, возможно, в названии села фигурирует и мотовило, на которое в старину бабы мотали пряжу во время тканья холста, так как этот вид занятий для жителей села был важным: посеvy конопли и льна ранее здесь были огромными.

Со временем село стало разрастаться и своими улицами окружать озеро. Появился Шегалев, Слобода, Мочалиха.

Шегалев образовался не из жителей села, а здесь поселились люди приезжие, так что их язык до некоторой степени отличался от коренных мотовиловцев: Мироновы, Савиновы, Гордеевы, Байковы, Васюкины, Додоновы. Жители самого Мотовилова находились под ведением князя Оболенского, а жители Шегалева принадлежали барину Морозову. Поэтому в Мотовилове и существовало два земельных об-

щества, которые нарушились только во время коллективизации.

Шегалев имел землю более плодородную и поблизости от села: она узкой полосой тянулась от села Михайловки до Шубина, земля же нашего общества находилась в двух местах и разбита на три поля, согласно трехпольной системы севооборота, который до колхозов был основным повсеместно в сельском хозяйстве, и им пользовалось все русское крестьянство.

1-е поле было самое большое, и оно простиралось на юг от самого села до Баусихи, это протяженностью около восьми километров.

2-е поле смежное с первым, оно доходило до Михайловки.

3-е поле к северу от села, к лесу.

А за первым лесом, за рекой Сережей еще было так называемое Онискино поле, тоже принадлежавшее нашему обществу. В начале XIX столетия в селе появились улицы Бутырка, Забегаловка, Поповка, Курмыш, Кужадониha.

Кстати, об улице Кужадониha: есть предположение, что Кужадониha была образована частью из приезжих сюда людей. Само название Кужадониha, по-моему, получила от приезжих и поселившихся здесь из села Кужадон, которое находится в Константиновском районе.

В конце прошлого столетия появились улицы Поповка, Жигули, а после революции 1917 года из-за бурного роста населения село стало расползаться по всем направлениям, как тесто на дрожжах. Число больших семей сильно увеличивалось.

В сравнительно небольших домах стало жить тесно – семьи делились на несколько семей; каждой вновь образовавшейся семье было необходимо строить свой дом, поэтому село стало расстраиваться по всем направлениям существовавших улиц. Некоторые старались построить свою избу около «своих» – ставили дома в проулках, в пробелах, «в воротах». Улицы стали тесно и загромождены постройками, где преобладала «матушка солома», которая была виновницей больших пожаров, которые часто происходили в селе по летам. Вскоре после революции почему-то было запрещено выделение новых мест для застройки, а образовавшейся новой семье необходимо для постройки дома место. Так, в 1921 году самовольно (самодуром) стали строить избы за селом, на задворках, к лесу, и эта вновь образовавшаяся улица получила наименование «Самодуриха». Тогда же появилась и улица Ошаровка. Немногим позже появилась новая улица Западная. На южном берегу озера в кельях жили богомольцы старухи келейницы.

В конце каждой старой улицы жителей называли «крайновыми»: так, на краю Забегаловки жил Молодцов Петр (Крайнов), на Поповке так же были Крайновы, а в Кужадонихе Каравайкину Матрену прозвали даже Закрайновой, дом ее когда-то был действительно крайним к селу Вторусскому, и в ее огороде долгое время сохранялась вырытая грань, которая указывала границу нашей с вторусской землей. В Шегалеве также были Крайновы. Мои родители, бывало, говаривали: «Приходилось из Арзамаса с базара на лошади ночью возвращаться домой, как только доезжали до провала на Клюковом болоте (где сейчас, конечно, стоят дома), облегченно переговаривались: «Ну, скоро и село. Вон уже и огоньки замерцали».

Во время быстрого роста населения села, само собой, разумеется, стал уменьшаться и земельный надел на душу населения (на едока), поэтому некоторых жителей села стала не удовлетворять мотовиловская действительность. Они стали искать места на просторе и начали в 1921 году переселяться кто на отруба: Додонов И.Е., Липанов Н., Кустов В. А, некоторые переселенцы образовали новые поселки: Баусиха, Сады и Малиновка. Там люди стали жить попривольнее, среди простора, и земли у них оказалось намного больше, да и лес был прямо под боком.

Ввиду того, что поселок Баусиха образовался из разно-

шерстных жителей, собравшихся сюда из разных селений, и они были почти все «голытьба», то на этом посёлке у людей дело шло плохо – среди них было много лентяев, пьяниц.

Хотя люди и разъезжались кто куда, по сторонам, однако село продолжало расти во все стороны. Молодые люди женились, образовывались новые семьи, но жизнь в больших семьях и в небольших избах, не имеющих никаких удобств, стала невозможна. Семьи стали неудержимо делиться, население стало интенсивно расти. Если в Мотовилове в 1912 года было 510 дворов с 2000 жителей, то к 1928 году стало 720 дворов с 3200 жителей. Об этом свидетельствовала доска на полосатом столбе, врытом на центральном перекрестке около кабака Дунаева.

Достопримечательности села

Самым замечательным сооружением села Мотовилова, конечно, является каменная православная церковь. Построенная в 1834-37 годах и посвященная в честь Покрова Богородицы, остальные два престола Николая Чудотворца и Прасковьи Мученицы.

По преданию, в Мотовилове была деревянная церковь, и стояла она на том месте, где сейчас находится школа: при постройке деревянную старую церковь сломали, а на месте, где построили каменную, было кладбище. Другое кладбище

устроили в стороне от села, огородив его забором.

Всем, конечно, известно, что самым привлекательным зданием села является церковь – еще издали верст за пятнадцать узнаешь свое родное село по высокой, как маяк, со шпилем над куполом колокольни, по ее белизне, а если случится в праздник, на этом же расстоянии услышишь величественный голос большого колокола. В этот момент невольно содрогнется любая русская душа и поспешно устремится к родному селу и дому. Всем известно, что в селе в церковной архитектуре, ее величавой громадине, в ее внутренней отделке, в резьбе, в позолоте, в просторе заключена вся красота обозрения и наслаждения для сельского жителя.

Наша церковь была двуглавой: величественная глава над летней и недостижимой высоты колокольня со шпилем. Редкому специалисту по бросанию камней вверх доводилось докинуть камешек до окон колокольни, где в северном окне висело четыре маленьких колокола, в окне к улице висит колокол побольше (он лежит на земле и по сей день), а в окне к Шегалеву висел колокол-набат, в который извещали народ о пожаре, о том, что человек тонет и о других бедствиях. Седьмой же колокол самый большой, весом 288 пудом и 2 фунта, висел посреди колокольни; был очень резв и голосист – его голос был слышен за 15 верст. Слили его в Арзамасе, и в его составе было много серебра, так что когда его лили,

некоторые богатые люди добровольно бросали в расплавленную массу свои серебряные вещи и монеты.

В праздничные дни, в молебствия, а особенно в Пасху в эти семь колоколов искусно звонили и трезвонили специалисты этого дела: церковный сторож Иван Васильевич Трынок, Яша Лабин, мой брат Александр и др. В пасхальные дни в продолжение всей недели с колокольни изливалась такая симфоническая мелодия, что любой человек мог бы заслушаться этими музыкальными звуками. Колокольня служила еще и своего рода вышкой – с ее высоты можно было наблюдать своими глазами всю окрестность: дальние леса, селения, поля и все свое село. Среди множества изб, дворов, овинов и амбаров, с детской гордостью и восторгом отыскиваешь и находишь свой родной дом. Душа ликует, и торжеству нет конца.

С высоты колокольни пасущиеся в поле лошади и коровы кажутся игрушечными, люди на улицах села, как уродливые коротыши, деревья в непривычном видении, осматриваешь сверху кроны, среди листвы берёз, вязов и ветел видишь грачиные гнезда с птенцами, наблюдаешь за необычным полетом птиц, у которых видишь не брюхо, как обычно с земли, а спину.

Вокруг церкви возведена величественная каменная изго-

родь с четырьмя бастионами по углам и с тремя воротами: главные большие с выходом на улицу, боковые северные к школе и ворота восточные с выходом на «живой мост».

За церковной оградой к школе росло много лип, берёз, и было два величественных вяза, стоявших почти рядом. Толщина их и высота были необъятными, сколько лет было им от роду, никто не помнил, под их кроной можно было расположиться толпе народа человек в триста. В кронах этих вязов было большое количество грачиных гнезд. Внутри церковной ограды росло много деревьев, расположенных вокруг всей церкви. Тут были старые ветлы, берёзы, кусты сирени, сочная трава под ногами с разнообразными луговыми цветами, а рядом через деревянную изгородь к югу был церковный фруктовый сад с плодоносящими яблонями.

Вообще-то около церкви, вокруг нее, в летнюю пору была чудодейственная, великолепная благодать и ласкающая человеческую душу прохлада, которая располагала к блаженному отдыху и благолепию человека.

Внутри церкви также была неизреченная красота, особенно в летней ее части. Здесь величаво творение человеческого ума и мастерство рук, выразившееся в монолитности стен, колонну в изобретательности и причудливости резьбы, позолоте иконостаса и в художественной росписи икон и божественных деяний. Неизвестными художниками были на-

писаны на стенах великолепные изображения: на северной стороне «Моление Христа о чаше», на южной стороне «Пилат вывел Христа из Претории к народу», на западной стороне «Вознесение Господне», этим изображением была занята вся стена над входной аркой и являла собой изумительную красоту изображения. Кроме величественности храма с его наружным и внутренним видом, наряду с мелодичным колокольным звоном, немаловажную роль играют служба и хоровое пение.

В двенадцатые, а также в престольные праздники, а особенно в Пасху наш церковный хор, возглавляемый регентом Романом Михайловичем Додоновым, исполнял священное песнопение с особенной прилежностью, так что послушать хор вряд ли откажется любой благонравный человек.

Исходя из всего вышесказанного, я не соглашусь с теми людьми, которые говорят, что церковь «дурман» для народа; каждый человек, имея свой доброжелательный рассудок, может сам об этом поразмышлять. «Имеющий ум для рассудка – да поразмыслит!»

В нашем селе была также деревянная, старообрядческая церковь, которая находилась на задах жителей Слободы, за огородом Сучкова Якова Поликарповича. Рядом с церковью было болото и пруд, который существует и по сей день. В

праздники с колокольной старообрядческой церкви слышен был так же колокольный звон, но он был не столько мелодичен, как с колокольной православной церкви.

В церковь на моления собирались староверы (кулугуры), их было в селе не так уж много. Старая вера в наше село занесена со стороны – через бракосочетания наших односельчан Крисламовых, Каравайкиных и Сучковых с Чернухинскими старообрядцами. Начетник и ревнитель старого обряда был Матвей Павлович Каравайкин.

Мельницы

Вторым примечательным сооружением села является ветряная мельница. Их в Мотовилове было десять:

Сурякова Егора Гавриловича: шестикрылая, около Соснова болота на задах Карпова Ф.И.

Куприянина-Садова Михаила Ивановича: четырехкрылая

Васькина Григория Михайловича: четырехкрылая к Верижкам

Додонова Василия Николаевича: шестикрылая к Верижкам

Додонова Михаила Ефимовича: шестикрылая к Верижкам

Капустина Ивана Ефимовича: шестикрылая за Поповкой

Рузина Никифора: шестикрылая, небольшая, с маслобойкой

Аникина Федота Ивановича, за Поповкой

Воробьева Алексея Акифьевича: шестикрылая, за Ошаровкой

Борисова Николая Игнатьевича: четырехкрылая за Кужадониной

Общественная водяная мельница на Сущевке в Лесу за Сережей, арендуемая Крисламовым Михаилом Федоровичем (рыбачком). На этой мельнице мололи, когда стояло безветрие; иногда приходилось ездить и на паровую мельницу на Прорыв; мы с папой ездили туда в 1920 году.

Какое неопишное зрелище представляют издали мельницы, особенно такое количество, как в нашем селе, их был целый десяток! Можно себе представить расположенные вокруг села ветряные мельницы, во время осенних ветров деловито и старательно в перегон машут крыльями, делая свое трудолюбивое дело, перемалывая своими жерновами зерно рожь, превращая ее в муку, из которой с незапамятных времен человечество печет хлеб для своего насыщения. Так вот, такое зрелище вряд ли имеет себе равного; любой путник, приближаясь к селу, наслаждается маханием мельничных крыльев, а с большого расстояния мельница похожа на человека, размахивающего своими руками.

Школа

Особо важное место в селе занимает школа. Наша досто-

примечательная двухэтажная деревянная школа пользуется особым вниманием у всех людей села. Наша школа была построена в 1902 году, когда в России был взят курс на всеобщее народное образование, и среди людей важную роль занимал лозунг – «Учение – свет, а неучение – тьма». Место для постройки школы выбрано – лучше не найдешь: в центре села, у озера, на возвышенности.

Сначала школа была одноэтажной, а впоследствии произвели надстройку второго этажа, снаружи обшили тесом и покрасили, а внутри оштукатурили. В постройке школы принимал активное участие мастер строительного дела, житель нашего села Муратов Иван Дмитриевич-Потемкин.

Наша Мотовиловская школа является замечательным сооружением села, ее можно видеть издалека. Среди зелени деревьев она возвышается своей островерхой надстройкой поверх крыши. На надстройке небольшой шпиль, наверху которого установлен флюгер.

С наступлением осени (раньше учебный год начинался первого октября) детвора толпами спешила в школу (училище) и там получала первые крупницы познания грамоты. Здесь каждый молодой житель села, сидя за партой, учился читать, писать и задачи решать. В первое время занятия в школе проходили только на первом этаже, а второй этаж

был занят квартирами учителей и библиотекой, а некоторые комнаты просто пустовали. Внизу занятия проходили в трех классах: в самом большом – первый класс (младшие) – теперь этот класс перегороден стеной надвое, второй класс (средние) и третий класс (старшие).

В первый класс обычно приходило много желающих учиться, так что большое помещение едва вмещало учеников, а на второй год количество учащихся убавлялось, особенно старались дома не пускать в школу девчонок, говоря: «Читать-писать научилась, а дальнейшие науки ни к чему, надо работать дома, прясть пряжу. А замуж и неграмотную возьмут». Так что в то время девки больше «одной зимы» наукам не посвящали. Да и некоторые ребята с трудом преодолевали второй, «средний», класс, и редкие достигали третьего, «старшего», класса.

В двадцатые годы был организован и четвертый класс, но в нем обучалось не более десяти человек: ученики четвертого класса находились в одном помещении с третьеклассниками, которых было тоже не более двадцати человек. У окна, обращенного на озеро, располагались парты третьего класса, у стены – парты четвертого. С обоими классами занимался один учитель одновременно.

Во время перемен в коридоре школы стон стоял от бегот-

ни и игры, и шума учащихся, и поднималась такая пылица, что нечем было дышать. К тому же была дурная привычка драться класс на класс. Ученики обычно в школу ходили в лаптях, которые были основной обувью в то время у всех у взрослых, и у детей. Буквари, тетрадки в самодельных холщовых сумках. Осенью и весной в перемены ученики выбегали на улицу и играли на свежем воздухе.

Ранее в селе существовала так называемая девичья школа (рядом с каменной лавкой Лаптевых), в помещении, где впоследствии был в одной половине Сельский Совет, а в другой – изба-читальня. С девками-ученицами занимался не учитель, а сельский священник, и первой наукой был «Закон Божий».

Моя мать Любовь Михайловна (до замужества Молодцова) за преуспевание в учении получила в подарок платок. Да и в общеобразовательной школе были поощрения для особо отличившихся учеников. Я помню, в 1920 году мои старшие братья, Михаил и Александр, получили в школе ситцу себе на рубашки, а в мануфактуре в то время был большой недостаток. Я в школу поступил в первый класс в 1923 году и проучился в ней до 1928 года, окончив четырехлетнее образование. Школу (невежественные люди) сломали в 1974 году.

Волостное правление

До революции и во время гражданской войны была Мотовиловская волость, и почти рядом со школой было здание волостного правления. Помещение было одноэтажным, имело четыре комнаты, оштукатуренные внутри. Комнаты занимали Старшина, волостной писарь, урядник и зал для заседаний и собраний.

В 1926 году Мотовиловская волость была ликвидирована, наше село присоединили к Чернухинской волости, а здание правления сломали и куда-то перевезли. Я помню, мы в детстве с интересом рассматривали обои и разнообразие бумаги, валяющейся на месте сломанного помещения. Тут же вблизи от волостного правления, была расположена так называемая «темная». В которую представители сельской власти сажали людей за ту или иную провинность: за хулиганство, за мелкую кражу и т.п.

В темную сажали ненадолго, примерно на неделю, и за сидящими в «темной» надзирал стражник, Степан Меркурьев. Здание волостного правления сломали, а «темную» почему-то оставили, ее впоследствии переоборудовали в жилое помещение, а на месте правления построили дом для писаря Лобанова Михаила Федоровича.

На берегу озера, между церковью и школой, был большой

общественный амбар, так называемый «магазин». В нем хранился общественный хлеб, из него выдавали сельским беднякам рожь и другое зерно. Впоследствии из магазина построили общую токарную мастерскую около «Соснового» болота.

Пожарный сарай

Почти рядом с магазином, на берегу озера, у школы, был пожарный сарай, в котором находилось два пожарных насоса. По договору с обществами, в летнее время при пожарном сарае всегда дежурили со своими лошадьми Кочетковы и Кругловы, они всегда были готовы при первом ударе набата выехать на пожар для тушения.

Пожары в то время частенько навещали село Мотовилово по причине недосмотра за трубами, шалости детей с огнем, от курения и тесноты построек, и кругом была солома. Около пожарного сарая стояла телега-ропуск, нагруженная баграми, которыми растаскивали на пожаре еще не успевшие сгореть бревна от построек. Специалист по тушения пожаров был Санька Лунько. Тут же стояла телега с бочкой воды.

Кузницы

В Мотовилове было две кузницы: одна Мочалина, на берегу Ивановского, за огородами; она принадлежала Цапаеву Алексею, а другая на берегу бутырского залива, в конце улицы Мочалихи; она принадлежала Миращевскому Ивану

Ивановичу (по прозвищу Фараон), который в Мотовилово переселился из Чернухи. Этот кузнец обладал большим мастерством своего дела и ловкостью. Мой отец, кстати, обращался как кузнецу только к Фараону.

Нам, ребяташкам, в детстве смотреть, как куют в кузнице, составляло большой интерес и наслаждение: нам было особо любопытно наблюдать, как большим кожаным мехом раздували пышущий жаром горн, как из горна вынимали раскалённое добела железо, от которого при ударе молота по наковальне в разные стороны стремительно разлетались искры, похожие на звездочки. Мы целые дни были готовы глазеть снаружи во внутренность кузницы, но, видимо, наше неотвязчивое присутствие раздражало кузнеца и молотобойца, и он отгонял нас прочь, врасплох плеснув на нас ковш холодной воды. Мы, естественно, разбегались, и снова посещали кузнецу, когда забудется случай с обливанием. Да и любопытство пересиливало страх.

У кузнецов была дурная привычка «подшутить» над посетителями кузницы, которые приходили в кузницу по делу. Однажды я наблюдал такую картину: к кузнице направлялся мужик, он шел босиком; Фараон быстро выхватил из горна горячий кусок шлака и, бросив его к двери, быстро растоптал его кожаным сапогом у порога. Как только мужик переступил порог кузницы, он ужом начал извиваться от сильной

боли ожога. В кузнице разразился идиотский смех – от удовольствия и наслаждения страданием человека. Были случаи, что зазевавшимся мужику или парню незаметно клали в карман раскалённый кусок железа, и снова весёлый смех кузнецы и молотобойца, ведь интересно же, как раскалённое железо, прожигая чужой карман, падает на землю или через прогоревшую дыру в портках попадает к голому телу. По-терпевший прыгает от боли, а «шутники», разинув нахальные кадыки, хохоча, закатываются со смеху. А бабе в кузницу лучше не заходи, захватают и защупают.

Шерстобойки и маслобойки

В Мотовилове была одна маслобойка, при мельнице Аникина Федота . Во время производства масла, если приходилось хотя бы мимо проходить около маслобойки, в нас так и лез ароматный приятный запах льняного, а особенно конопляного масла.

В селе было две шерстебойки. На Ивановском, Крисламова М.Ф., а на Моторе у Егоршина Сергея. Наблюдать, как по наклонному огромному колесу ходит лошадь, шагая, но не стронувшись с места, приводя в движение в особом помещении шерстебойную машину, для нас, ребятишек, было очень большим наслаждением. Нам страстно хотелось прокатиться на колесе, но это было рискованное дело, можно было нечаянно угодить под колесо и могло переломать ребра.

Ивановский – Воробейка – Мосты – Колодцы

Каждую весну, когда начинает таять снег, с полевой горы, из оврага-истока, из «Рыбакова», в село через Фиёшино болото, а потом через проток «Ивановский» талые воды устремляются в озеро, пополняя ежегодный водный запас его. Приток Ивановский получил свое название, наверное, через какого-то Ивана, видимо, проживавшего здесь около него в далеком прошлом. Половодье каждый год начинается тогда, когда тронется Ивановский. Иные года воды в нем бывает так много, что он не может поместиться под мост, и вода, разливаясь во все стороны, затопляет дворы, а иногда и заполняет своей мутной водой подпола приближенных жителей. Количество воды в Ивановском зависит от количества выпавшего снега за зиму и интенсивности его таяния на горе в поле.

Наполнив своей мутной водой озеро, Ивановский замедляет свой напор; уровень воды в нем спадает. Прибывшая вода из поля разливается по всему озеру, делая вокруг него закраины. Во время бурного хода воды в Ивановском вода успеваает промыть закраины, и ей деваться некуда, она угождает под лед озера. В это время начинается ломание льда, который с шумом трескается и большими глыбами выворачивается из воды. Иногда большие отдельные льдины долго плавают по озеру, и на них с большим удовольствием ка-

таются смельчаки-ребята. Конечно, дело не обходится без приключений – льдина внезапно разваливается, и отважный «мореплаватель» погружается в воду. В испуге и от ощущения ледяной воды проказник-неудачник едва выкарабкивается из бездны и без оглядки бежит домой отогреться. Вода в озере накопилась, теперь жди, тронется поток «Воробейка».

Весной 1926 года, ввиду глубоких снегов и бурного его таяния, весной повсеместно в наших краях было самое большое наводнение. Ивановский так сильно разлился и принес так много воды, что она, наполнив озеро, стремительно стала заполнять все низины и впадины, затопля амбары на озере, обильно заходя и во дворы, и в подполья жителей улицы Слободы. Большую озабоченность и тревогу в то время вода придала Осипу Цацунину, вода нахально затопила его огород, непрошено зашла во двор, затопив скот, дрова, веялку-уфимку и остальное добро и настойчиво просилась в подполье, где хранился картофель.

Жил он в то время – второй дом от моста на Воробейке, рядом с Поляковым Иваном, напротив прогона. Вместе с сыном Мишкой они ночи не спали, старались дать ход воде в Воробейке, извлекали бревна и коряги, которые течением пригоняло к заборам огородов и преграждало свободный ход воде. Иногда к заборам пригоняло с озера льдину, и она за-

стопоривала течение, они баграми и ломами старались разрушить льдину, измочившись при этом сами в холодной воде. Мало-помалу вода из озера через Воробейку перемещается в реку Серезу, которая, приняв ее воды из лесных притоков Черемаса, Каменного, Мощеного, Сущевки и Осиновки, разливается, трогается и уносит воды через Тешу, Оку и Волгу в Каспийское море.

В Мотовилове было, да и сейчас имеются, четыре моста: на Слободе два – через Ивановский и через Воробейку, в Кужадонихе один через Воробейку и «Живой мост». Название поток «Воробейка» получила (по предположению) не потому что здесь много воробьев водилось, а потому, что в глубокую старину среди честных, самостоятельных людей, жителей села, существовали любители поживиться чужим добром, попросту говоря, воры. Так вот, их при обличении в воровстве при всем честном народе выводили на мост протока и били. Отсюда и название «Воро-бей-ка».

«Живой» мост ранее находился на самом узком месте перешейка из озера в Бутырский. Он был протянут от церкви до Набережного порядка. По мосту ходили только пешком. Он состоял из нескольких частей, из продольных горбылей, на качающихся сваях, так что при ходьбе по нему мост ходуным ходил, как живой, отсюда и название ему «Живой мост». В тридцатых годах мост построили для езды на лошадях, а

впоследствии новый мост, так же предназначенный для езды на лошадях, построили в другом месте, где он находится и сейчас, но и теперь он называется «Живым».

Были случаи, что с живого моста люди падали прямо в воду, особенно пьяные, но дело обходилось благополучно. Упавший снова выкарабкивался сам или его вытаскивали посторонние люди.

Перекрестки и колодцы

В Мотовилове четыре перекрестка: Шегалевский, Мочалихинский, Слободской и Главный или Моторский, где ранее был кабак (Дунаев). Ранее в селе было только три колодца: на Мочалихинском перекрестке (около Аникиных) был колодец с большим колесом, при выкачивании воды из колодца бадьями, человек «ходил» внутри этого колеса (нарушен в 1928г.). Такой же колодец находился в Кужадонице под окном Ермолая Макарова (нарушен в 1935г.), а третий колодец, без колеса, а с валом и двумя крюками, находился на Главном перекрестке против дома Молодцова Михаила Федоровича (моего деда по матери). Небольшая впадина против моего дома, в загородке у памятника, свидетельствует о том, где до 1925 года был тот колодец.

Глубина колодцев была значительной, 18 саженей (около 40 метров). Вода доставалась нелегко, но была очень холод-

ной, а люди, проживающие вдалеке от колодцев, пользовались для питья и стирки водой из озера, из так называемых «колодцев», прорезанных в трясине тростников, и ходили к таким «дырам» по проложенным к ним узким, сбитым из жердей, мосткам. Вода из таких «колодцев-дыр» считалась вполне пригодной для питья, хотя по озеру всегда разгуливали утки и гуси, летом в озере купались люди и купали лошадей, да вдобавок ко всему этому, озеро было окружено со всех сторон банями. Так, на Моторском берегу было около пятнадцати бань, а тут же из «Дунькиной дыры» вода считалась для питья отменной.

В сущности, разобраться и в колодцах воду признать вполне хорошей не всегда можно, потому что в колодцы из рук шутников, озорников и варваров попадали разнообразные предметы и даже кошки. В колодце вода стоит на дне сруба, а в озере она до некоторой степени фильтруется корнями тростников. В тридцатые годы в селе было вырыто еще два колодца: первый около церкви, который завалили вскорости после того, как в него ночью летом 1956 года неизвестные хулиганы-убийцы сбросили молодого парня Сбитнева Гришу, а другой около Столовой. Этот колодец так же не обошелся без трагедии – в нем погиб Арсенька из Волгина во время ремонта сруба (1950 г.), в глубине его засыпало песком. Народу собралось много, а живым вытащить его не смогли. Два дня просидел он, а на третий его вытащили

мертвым.

Этот колодец в шестидесятых годах также был завален, а теперь существует три колодца: в Кужадонихе, на Ошаровке (до 1972 г.) и на Мочалихе (до 1973 года). Кстати, о названии улицы «Мочалиха». В глубокую старину на пустовавшем еще южном берегу озера драли с предварительно вымоченного в озере липового луба мочало. Весь берег был обставлен вешалами, на которых сохло мочало. Здесь же на берегу были построены и шалаши-сторожки, где сейчас набережные кельи, а сама улица возникла, намного отступив от озера к югу, и название эта улица получила Мочалиха. Лес, липняк, находился невдалеке от села, из лык плели лапти и кошель, из мочала вили веревки и плели рогожи, а луб шел на крыши бань, амбаров и даже изб.

На перекрестке Слободы и Кужадонихи против прогона была каменная часовня, ее построил Лабин Ермолай. В народе существовала такая версия, как будто Ермолай в свое время при случае воспользовался солидной суммой денег. Во время пашни в поле около «большой дороги» рано утром он подобрал мешочек с деньгами, потерянный неизвестно кем. Ермолай мешочек подобрал и спрятал его в укромное место, решив воспользоваться счастьем. Мешочек был потерян захмелевшим и задремавшим арзамасским купцом, ехавшим с Нижегородской ярмарки на лошадях, запряженных в таран-

тас. От дремоты и неровности дороги купец с ямщиком и не заметили, как мешочек выпал из тарантаса. Купцу беда, а Ермолаю – счастье.

Вернувшемуся почти от Ломовки встревоженному неудачей купцу на вопрос «не поднимал ли на дороге потерю» Ермолай ответил: «Нет, не поднимал». Купец в бешенстве погнал лошадей к Волчихе, но он точно не знал, где произошла потеря, на Ермолая нажимать он не имел права, ведь никто не видел, и взять не с кого. Вскоре купец промчался в пустом тарантасе к Арзамасу, а Ермолай в этот день с пашни вернулся с деньгами, припрятав их в надежном месте. А сам собой клятвенно решил построить часовню – памятник, чтобы она напоминала ему о постоянном долге и взывала к его совести. Насколько правдоподобно это событие, никто, конечно, не знает. Часовня все же была построена, а с Ермолаем впоследствии произошла беда. В начале двадцатых годов он чистил рыбу и костью заносил руку, рука разболелась. Приключился «Антонов огонь» (гангрена), и Ермолаю пришлось лишиться руки чуть ли ни по самое плечо. В народе суждение приняла такой оборот, что, мол, все же Бог наказал его за несправедливость. Жил в ту пору Ермолай на Слободе – третий дом от Воробейки.

Нам в детстве представляло большое удовольствие играть около часовни, с интересом рассматривать ее фигурную

кладку из красного кирпича, заглядывать в ниши, в которые были вделаны иконы, залезать и дотрагиваться рукой до самого крестика и кувыркаться на жердях загородки, которая была сделана вокруг часовни. Тут же в прогоне были полевые большие ворота, кататься на них для нас было большим удовольствием и потехой.

Самым замечательным в селе перекрестком является, конечно, Моторский. Здесь сходятся три улицы: «Главная», «Мотора» и «Забегаловка». Этот перекресток находится почти в самом центре села, близость озера, церкви и всех особенных мест села.

На этом перекрестке еще в прошлом столетии был построен каба́к: это типичное здание с двумя помещениями и крытым крыльцом, обращенным на юг. В одном жилом помещении жил сам содержатель кабака, а в другом собирался народ, преимущественно мужики, любители выпить и послушать разные диковинные истории и происшествия, которые рассказывали здесь. Содержателем кабака был некий Дунаев Иван, попавший в Мотовилово еще в прошлом столетии. С ним произошла история, после которой он и обжился в Мотовилове.

Иван Макаревич Дунаев родом откуда, точно не знал ни один мотовиловец, по его рассказам, когда он появился в

Мотовилове, мужики узнали, что он долгое время бурлачил на Волге. Испытал всю тяжесть бурлацкой жизни и имел от природы молодецкую силу, смелость и предприимчивый рассудок в голове. Не найдя счастья на Волге, судьба перекинула Ивана в Пензенскую губернию, где он нанялся к одному богатому барину кучером и прожил у него больше года, проявив свой смекалистый ум, сноровку и мастерство в своем кучерском деле. Вскоре барин уверился в Иване как в самом себе и не позаботился поинтересоваться его паспортом и местом происхождения. Завистливая мысль жить самому в богатстве и иметь влиятельное положение в народе ни на минуту не покидала буйную голову Ивана. В его мозгу обосновалось желание во что бы то ни стало разбогатеть, поселиться в каком-нибудь отдаленном краю и заняться торговлей на удивление всем людям.

Однажды случай подвернулся сам. Как-то в летнюю пору его барин сильно захворал и был вынужден поехать в Пензу к знакомому врачу для лечения. Провожать барина поехала его молодая жена, с ними, как обычно, надежный во всем кучер Иван Дунаев, служивший у барина под чужим именем Макара Игнатьевича Сухова. По приезде в Пензу больного положили в больницу под надзор доктора, с которым барин имел тесное знакомство. Ехать в обратный путь пришлось вдвоем, барыня с кучером Макашкой. Еще в городе барыня по простоте женской своей проговорила, что доктор откажется взять вперед в знак благодарности солидную сумму,

предназначенную за лечение.

Тут-то в Макаркиной голове и засела мысль, и мгновенно созрел план воспользоваться деньгами и скрыться. Дорога от Пензы до имения проходила, кстати, по лесным глухим местам, и тянулась она более тридцати верст. Выехать из города Макарка уговорил барыню в ночь, мотивируя тем, что ночью ехать прохладе, не так уморишься от зноя и не будут донимать слепни. На предосторожность барыни, что в лесах могут напасть разбойники, которые могут ограбить, да еще и наохальничать, Макарка с заметным волнением опасения барыни развеял. Говорит, «мы объедем опасные места другой дорогой и разбойники нам нипочем. Да и кони у нас неплохие, не подведут». А слова барыни только подкрепили и уточнили план действия в его голове во всех подробностях. Барыня о выезде в путь ночью согласилась, благо сам барин из-за болезни не в состоянии отговорить ее от неблагоприятного решения.

Поздним вечером они выехали за город и направились к имению. Отъехав с полпути, они стали приближаться к опасным местам, где могли скрываться разбойники. Здесь начинался глухой лес. Как было раньше условлено, Макарка вдруг свернул коней своих влево, на еще более глухую и почти непроезжую дорогу, которой он раньше проезжал по случаю заблуждения. При подъезде к Глубокому лесному овра-

гу, прозванному «Гортовым» болотом, наполненному водой омуту, у Макарки в голове роям закопошились мысли, перегоня одна другую. Сердце молотком застучало в груди: «Как раз, наверное, полночь? Как раз, наверное, половина пути? Пора действовать!» Подъехав к самому омуту, Макарка остановил лошадей. На лице у барыни инстинктивно вспыхнула тревога. «Чего остановились?» – спросила она, сидя в глубине тарантаса, прижавшись к задку. «Вот здесь надо покормить лошадей», – ответил Макар, а сам разъяренным львом бросился к побледневшей барыне. В испуге и ужасе она хотела было закричать, но широкая горячая потная ладонь двадцатипятилетнего Макарки плотно прилипла к ее нежным губам, захлопнула рот. Сильное, бушующее тело Макара навалилось на барыню, рука его поспешно, с нахальством, затрепыхалась в ее бархатном платье, отыскивая подол...

Заморосивший дождь как раз кстати и на руку действовал в пользу Макарки. Изнасиловав барыню, он, он с разъяренной резвостью выхватил из передка тарантаса топор. Сильный удар обуха с хрустом обрушился на голову барыни. В приступе сильного испуга и ужаса она не успела даже громко крикнуть, а только охнув, поникла всем телом, распластавшись по всему тарантасу. Для надежности он нанес по голове барыни повторный удар.

Тело барыни судорожно потянулось и рассталось с жизнью. Лошади, почуяв кровь, беспокойно запряли ушами и затопали ногами – Макарка поспешно привязал их к дереву. По-собачьи дыша открытым ртом, Макарка подскочил к телу барыни, черная вмятина, зияющая повыше переносицы, заставила невольно с омерзительной дрожью встрепыхнуться всему телу Макарки. С дрожью во всем теле, Макарка с поспешностью поволок труп к зияющей в трясине прорве. Прежде чем опустить в воду труп, он снял с похолодевшего пальца барыни золотое кольцо и с хрустом вырвал из ее ушей золотые с бриллиантами серьги. Чтобы труп не всплыл, Макарка окровавленный топор засунул под платье к пышной груди барыни и опустил свою жертву в холодное зевало прорвы. Труп медленно пополз в мрачную бездну. На поверхности темной воды забулькали пузыри. Макарка, выйдя из оцепенения, проговорил для себя: «Итак, все кончено!» Подойдя к тарантасу, он взял в руки злополучный, солидного размера, дамский кошелек на кожаном ремне, и, открыв его, он увидел его содержимое – бумажные деньги, которые считать было не время. Положив в кошелек кольцо и серьги, он его засунул под рубаху. Теперь его все сокровища находятся в его руках – около сердца. Отмахивающиеся мордами от надоедливых комаров лошади звонко гремели упряжью, этот звон привел Макарку из мечтаний в действительность. Он не знал, сколько времени отняла у него эта операция. Теперь вопрос – что делать с лошадьми? Отвязав лошадей от дере-

ва, он подвязал к дуге поводья, закрепив вожжи за тарантас, стараясь вернуть себе спокойствие. Он под узцы вывел лошадей на дорогу, сказал «Но!». Лошади неуверенно зашагали. Слегка хлыстнув прутиком лошадей, чтобы они не издавали ненужного, лишнего шума, он посмотрел в зад удаляющегося тарантаса. Чувя пустоту тарантаса и отсутствие кучера, лошади испуганно прибавляли ходу, а потом побежали галопом по направлению к своим местам, благо они дорогу знали по своему лошадиному инстинкту. Постояв с минуту на дороге, осмотревшись и прислушавшись, Макарка определил: «Вокруг никакого признака жизни». Громыхание тарантаса постепенно затухало, только ночная птица бекас («дикий барашек») в полете издавал странный звук, похожий на бляение ягненка. Макарка-Иван поспешил в глубину леса и пошел в сторону, противоположную имению барина.

Во время хода по зачашенному лесу, у Ивана возбужденное состояние стало постепенно проходить. Торопливо шагая по направлению к северу, он ориентировался зарей. Вскоре к нему возвратилось прежнее бодрое настроение, и он даже позволил себе поразмыслить о деталях происшедшего: под рубахой сильно мешал ходу кошелек. «Но ничего! – про себя говорил он, – Капитал в руках! Теперь я человеком буду! А то бы, когда мне пришлось женского тела барыни попробовать!» – робкая улыбка появилась у него на лице и вскоре погасла. Время не ждет, нужно спешить. И он торопливо зашагал вперед, обходя поля лесной стороной. Он

наугад продвигался вперед. После дневного отдыха в густой чащобе, он к вечеру миновал пределы Пензенской губернии.

А там, в имении, когда лошади в бешеной ярости прибежали в поместье, от тарантаса остались одни оглобли, сразу определили, что случилась беда. Сразу подумали на разбойников. Барыню с Макаром поискали-поискали и перестали; думали, что они погибли вместе, а барин выздоровел только к зиме. Горячие следы преступления уже «остыли».

После всей этой истории в наших краях и появился новый человек, по паспорту Дунаев Иван Макарович. Из Арзамаса он шел большой дорогой на Нижний Новгород. В Ломовке переночевал, решил поселиться не на самой большой дороге, а поблизости от нее. Вечером у ломовского мужика попросился почесать лошадь, зарекомендовав себя как большого любителя лошадей. Мужик не возражал, подал Ивану скребницу, которой Иван незаметно для всех, предусмотрительно нацарапал свои плечи и спину. Конечно, искусно до блеска начистил лошадь хозяина. На другой день Иван ранним утром отправился в путь. При выходе из Ломовки его внимание привлекло большое село с высоченной колокольной. Он решил заглянуть в это село, да так в нем и остался. В Мотовилове стало одним человеком больше. Иван Макарович Дунаев решил остаться в Мотовилове. Ему очень понравились добродушные, доверчивые мотовиловские мужики.

Когда он рассказывал им, как он бурлачил на Волге и показывал свои еще не зажившие потертости на плечах и спине, мужики только ахали и прищелкивали языками, сочувствуя работяге. Видя сочувствие мужиков, Иван пошел сразу с козыря: полушутя спросил: «А нет ли у вас в селе подходящей для меня невесты? Я решил у вас остаться навсегда, домой возвращаться нет смысла, семьей еще не обзаводился, а в письме, якобы присланном с родины, сообщили, что вся деревня сгорела». Развеселившиеся мужики тут же, покумекав, дали рекомендацию. Один расторопный мужичек, смекнув, в чем дело, отвел Ивана к своей двоюродной сестре Анюте, которая этой зимой овдовела и жила одиноко в своей избенке. Благо дело было уже к вечеру, прохожий остался ночевать, а утром по всему селу разнеслась новость: Анютка себе мужика нашла! Свадьбы, конечно, не было, а приближенных Анютиных родственников Иван Макарович угостил, а они ему потом помогли в ходатайстве перед местными властями о постройке кабака на очень удобном и бойком месте: среди села, на главном перекрестке. Иван Макарович развернул дело с искусством, благо денежки у него шевелились и просились в дело. А золотые вещи он в скором времени обменял тоже на деньги одному Арзамасскому купцу, с которым он впоследствии заимел тесную дружбу. Дом, имеющий признаки господской архитектуры, вскоре был построен. В одно половину он перешел со своей Анютой жить, а

в другой половине развернул питейное дело. Под вывеской «Питейное заведение гражданина села Мотовилово Дунаева Ивана Макаровича (КАБАК)». Мотовиловские мужики, обрадовавшись такому делу, гулом повалили в питейный дом Ивана Макаровича Дунаева, который уже в скором времени стал одним из почтеннейших людей на селе. Так в Мотовилове появился кабак.

На этом же главном перекрестке, поблизости от кабака, сельскими властями в свое время был врыт полосатый столб с прикрепленным на верху его листом железа, на котором было написано: «Село Мотовилово, Арзамасского уезда, Нижегородской губернии. В селе дворов 520. Жителей: мужского пола 1420 человек, Женского пола 1580 человек. Всего 3000 человек». Этот столб с указателем нарушили в 1924 году. На этом же перекрестке, как было сказано ранее, был колодец.

Главный – моторский перекресток, замечателен еще тем, что теплыми весенними вечерами, после Пасхи, здесь собиралась уйма народа, девушки, парни, молодые и пожилые бабы водили дружный хоровод. Песня «Дунай мой, Дунай» особенно нравилась Дунаеву, который жил тут в своем доме.

Озеро

Одной из достопримечательностей села Мотовилова является озеро. Озеро образовалось в результате обмеления

моря, которое бушевало в наших местах миллионы лет тому назад. Примечательно, что в обширной низине, где расположены смежные с Мотовиловом села, такого озера поблизости нет даже во всей приближенной округе – оно здесь единственное в своем роде.

Несколько столетий назад наше озеро, конечно, было несравненно больше, и первые поселенцы видели его, несомненно, более обширным.

Нет сомнений, что в озере было гораздо больше воды, были значительные глубины, водилось много рыбы и прибрежные заросли тростника кишели птицами и водоплавающей дичью.

В начале двадцатого века наше озеро также было значительного размера. В него ежегодно весной через исток «Рыбаков» и проток Ивановский из поля поступает большое количество талой воды, так что в весны бурного таяния снега (да еще если за зиму его много навалило), озеро разливается во всю свою ширь. Когда вода, прибывшая с поля, с горы, из озера не успевает уходить через поток Воробейку, то она заглядывает к жителям улицы Слободы, во дворы и в подпола, причиняя немало хлопот и тревоги.

В начале мая, когда вода в озере утихомирится, вокруг

озера зазеленеют тростники и на отмелях зацветут калужницы, затрещат лягушки. В тростниках запоет неутомная ночная птичка камышовка-барсучок.

В июле зацветут желтые кубышки-кувшинки и белые лилии, похожие на чайные чашки на блюдцах, расставленные на озерной глади. В эту пору наше озеро красиво и величаво, особенно когда смотришь на него с колокольни. Оттуда взору озеро представляется во всей его первозданной красоте. Красоту озера пополняет одинокий островок, находящийся посреди озера: когда-то оторвавшийся от тростников клочок, прибило ветром на середину озера. Он тут так и остался. В летнее время на островке отдыхают утки и гуси, а иногда на него, в ночное время, на лодке забирается влюбленная пара.

В воде озера водится большое количество рыбы – карасей, которых по весне ловят бреднем, а летом до самой осени заставляют по-мотовиловски морды-мерётки.

С наступлением первых сильных заморозков в ноябре, вода в озере замерзает, покрывается скользким льдом. В этом время для потехи ребятишкам – полная лафа. Целыми днями детвора пропадает на льду. Катаются на коньках или просто так бегают по льду, делая «зыбу». Бывали случаи, молодой лед не выдерживал тяжести непредусмотрительного па-

ренька, проваливался, и несчастный погружался в воду. Тогда очевидцы тревожно закричат: «Тонет! Тонет!» Или же тревожно ударят в набат. Народ сбегится, разными средствами стараются спасти утопающего. Бывали случаи, все усилия оказывались безрезультатными: дети тонули совсем.

Иногда в Масленицу на льду устраивали карусели. Прорубали во льду дыру, вмораживали в нее кол, надевали на него колесо от телеги, прикрепляли жердь, и карусель готова. Забавам, удовольствиям и веселью для детворы нет конца. В Крещение на льду вырубали Иордань – выходили с молебнами.

В конце марта, когда наступят теплые весенние дни, жители села начинают заготовку льда с озера для набивки им погребов на летнее жаркое время для охлаждения молока, кваса и других продуктов. Его колют ломанами, подрубают топорами, а иногда и пилят продольными пилами. И большими ковригами отвозят на лошадях к погребам. В начале апреля, когда талые вода из поля с горы, через Ивановский, поступают в озеро, иногда они устремляются под лед. Лед начинает пучиться, трещать, ломается на отдельные глыбы, представляя собой величественную картину, и дает возможность покататься на льдинах парням-смельчакам – отважным «мореплавателям».

В летнее жаркое время озеро превращается в бассейн для купания: излюбленных мест для купающихся два – на Хоревых мостках и «под Курицей» около школы. В этих местах глубина значительная и дно твердое, песчано-илистое. В жаркие дни лета ребятишки кишмя кишат, бултыхаясь в воде: купаются по полчаса, а то и больше. У иного мальчугана не успеют волосы на голове высохнуть, а он уже снова, раздевшись догола, с разбегу, с конца мостков, всем брюхом шлепается в воду, бултыхнет ногами, взбудораживая воду, поднимая над водой брызги. Плавают кто как попало: и саженками, по-утиному, и по-лягушачьи. Некоторые специалисты по нырянию умеют далеко нырять и длительное время находиться под водой к удивлению наблюдателей с берега. По озеру в летнее время стаями плавают утки и гуси, весной залетают мартышки, а под осень при отлете на отдых садятся стайки диких уток, представляя азартный интерес для сельских охотников Сергея Латака, Ивана Додонова с поселка и Федора Лушика, Николая Федоровича Смирнова.

Вокруг всего озера по берегу его разбросано множество амбаров, сараев и бань. Амбары и сараи строились на берегу из противопожарных соображений, а бани из-за того, что вода прямо под руками: бери, грей в котле и мойся, обдавай себя благодарственным паром, нахлыстывай свое простудное тело зеленым, душистым березовым веником.

Озеро является так же водоемом для стирки невзрачного крестьянского белья. Зимой и летом бабы задорно наколачивают вальками, выбивая из рубах, портков и портянок лишнюю грязь. Если случится в селе несчастное бедствие – пожар, то из озера с тревожной поспешностью наливают в лагуны воду и очумело и лихо мчатся к месту пожара, заливать бушующее пламя. Для жителей всего села озеро, конечно, является основным источником питьевой воды, так как в селе колодцев всего-навсего только три, да и то два из них нарушились в начале двадцатых годов. Остался один на улице Кужадонихе. В летнюю жаркую, страдную пору, уезжая в поле, каждый старался прихватить с собой холодной колодезной воды. Весь день огромное скрипучее колесо вращалось, через посредство которого одна бадья поднималась с живительной водой, а в то же время другая опускалась вниз.

Поля

У жителей села Мотовилова земля находится в трех полях. Четвертое поле, простирающееся от места стыка села Михайловки и до самого Шубина, принадлежит Шегальскому обществу.

Первое поле, самое большое, от села оно тянется широкой полосой на юго-восток, мимо села Волчихи и до самой Баусихи, расстоянием не меньше восьми верст.

Второе поле, поменьше первого, расположено смежно с первым, простирается на юг, до деревни Михайловки, протяженностью верст пять.

Третье поле, самое малое, находится на север от села, к лесу, расстоянием всего две версты.

За речкой Сережей, в углу у леса находится небольшое так называемое Анискино поле. В начале нашего века, после выкорчевки и нарушения леса так называемого «Волчий дол», земля, один песок, стала использоваться тоже для посева.

Согласно установившейся исстари трехпольная система севооборота, в этих трех полях поочередно располагались посевы так: если в первом поле на этот год была рожь, то во втором – пар – земля готовилась под посев осенью ржи, то в третьем было яровое. И так ежегодная смена посева по кругообороту. Качество в смысле плодородия, земля считается хорошей только в окружности самого села, так называемая «одворица», которая в первом поле доходит до горы, во втором поле до Большой дороги, а в третьем до поперечной дороги. На горе, в первом поле, как и на всех горах, почва суглинок, хотя гора эта не превышает пятидесяти метров высоты над уровнем воды Мотовиловского озера. За горой до самой Баусихи низина и доли – почва здесь илистая.

Во втором поле за Большой дорогой почва так же илистая, также не плодородная. В третьем поле, за поперечной дорогой, не земля, а супесь, а то и один урезанный песок. За первым лесом у Сережи в 1925 году разодрали целину, посеяли просо, которое на новом вымахало в рост человека. Вообще-то мотовиловская земля любит навоз, которого каждое лето вывозится большое количество: без навоза за большой дорогой и у леса рожь родится низкая, соломой мелкая, с коротким колоском в четыре-пять зернышек.

Земля ежегодно переделывалась: наделялась на каждую семью согласно количества в ней едоков. Все жители разбивались на выти, в которых подбиралось по равному количеству едоков – это для удобства дележки земли во всем обществе. Каждую весну землю приходилось делить дважды: сначала в миру между вытями, а потом внутри выти, на каждую семью.

Земля делилась после снятия урожая ржи на второй год весной под посев яровых, а после уборки яровых, на второй год, каждый хозяин знал свою землю и навозил свой загон по силе возможности под будущий посев озимых.

Ежегодные переделы земли диктовались тем, что население села менялось – в семьях происходило закономерное изменение в количественном составе едоков: в семье преста-

релые члены умирали, новые нарождались, молодежь женилась, большие семьи делились на несколько семей.

Все эти изменения и заставляли людей ежегодно делить матушку-кормилицу землю, снова переделывать. Что создавало множество неудобств, скандалов, споров и драк.

Некоторые сообразительные люди, а порой и те, у которых дело в хозяйстве не шло, решили по своей охоте выслать из села на отдаленные земли. Так, в 1920 году несколько жителей села выехали и поселились на Запольной земле, и образовали поселок Баусиху. Но сюда выехали люди, не особенно трудовой категории, а подчас и пьяницы. Про них в селе кем-то сложена была песенка: Баусиха хлебородная, весь хлеб пропила, а самая голодная.

А вот такие благоразумные люди, как Додоков Иван Е., Липанов А. и Кустовы выехали на отруб и поселились около деревни Сады. Построив по отдельности свои дома среди березовых кулиг. Земля у них была вся под боком, и все угодья рядом. Они зажили зажиточно, в довольстве, имели по две-три лошади и завели сельскохозяйственные машины.

В первом, самом большом поле, были расположены овраги и доли. Вдали, у самой Баусихи, два обширных, глубоких, с водотеками оврага, два шишкола, дальний и близкий. Они

за Баусихой объединялись в один. Ближе к селу – Медвежий дол, не вдалеке еще два суходола с пологими берегами, Репслей и Гусева.

Еще ближе к селу раздвоенный плоский дол и поросший ясенем и орешником так называемый суходол «Ореховые штаны», прозванный, видимо, так за свою раздвоенность и за поросль орешника.

Все эти перечисленные загорные доли и овраги собирают в себя веснами талую воду и через обширный шишкол уносят ее в реку Вадок, а потом в реку Пьяну, а затем в Волгу. Остальная же весенняя талая вода с западной стороны горы, через ключ Мосточки в овраг Осиновку, а затем попадала в Сережу. С северной же стороны горы снег тает позднее и по низинам, и по поросшему ясенем и орешником овражку истоку «Рыбаков», вода стекала к селу, наполняя сначала обширное Фиёшино болото, а потом через проток «Ивановский» устремлялось в озеро.

Из переполненного озера вода через поток Воробейку устремлялась в реку Сережку, из Сережи в Тешу, из Теши в Оку, из Оки тоже в Волгу. На пуповине горы, в окружении величественных дубов, кленов, ясеней, лип и поросли орешника, на полянке находится знаменитый колодезь, поодаль от него когда-то вырытый мужиками пруд. По веснам, ко-

гда пригреет по-весеннему теплое солнышко, на самом возвышенном месте горы, здесь у колодца, снег начинает таять всех раньше. С этой же западной стороны горы талые воды через низины сначала наполняют находящееся здесь самое обширное болото «Ендовин», с прудом «Мокрая грань», «Коровье болото», «Курдицы Струбы», а излишки воды попадают в зародившуюся здесь в поле, почти у самой Михайловки, овраг Осиновку.

Из-за отсутствия солнечного припека, после всего, снег начинает таять на северной стороне горы. Здесь путь воды до реки Сережи несколько, иной, а в результате вся вода с мотовиловских полей, только иными путями, попадает в конечном счете все в то же Каспийское море, а из него после испарения, в виде дождя, вода возвращается снова на наши поля, и так по непрерывному кругообороту из года в год.

Вокруг села Мотовилова, кроме Фиёшиного болота имеется еще четыре болота, пополняемые талой водой по веснам: Михалев, находящееся между Поповкой и Бутыркой, Клюково болото между Бутыркой и Жигулями, это болото по размерам обширно, в нем в начале нашего века росли сосны и ели, растет чахлый березовый кустарник, к осени можно полакомиться краснобокой клюквой; в болоте водятся кулики, бекасы и ужи. У старообрядческой церкви, на задах улиц Слободы и Кужадонихи тоже болото с вырытым в нем

прудом.

Недалеко от села, к северу, на задворках, находится «Сосновое болото», оно само по себе невелико, но знаменито тем, что середина его поросла густым непролазным ивняком, в котором веснами расппевают соловьи. Ивняк со всех сторон окружен водой, в которой множество лягушек, занесена сюда и рыба – карась, а в ивняковой непролази водятся и утиные выводки. У самого леса находится так называемое «Поганое болото», за леском, оставшимся от «Волчьего дола», находится удлиненное «Моховое болото», в котором с ранней весны и все лето множество пигалиц, а иногда поселяются на его кочках и утки. За бором, за СЕРЕЖЕЙ, вблизи от нее находится обширное лесное болото «Дрянишное». Здесь уткам лафа и бекасам раздолье. Здесь охотники весной и осенью подкарауливают разнообразную дичь и домой возвращаются частенько с трофеями.

Примечательностью для мотовиловцев является речка СЕРЕЖА, бравшая свое начало где-то около села Палец Перевозского района. В названии СЕРЕЖИ нет имени мальчика СЕРЕЖИ, потому что р. СЕРЕЖА женского рода – она. СЕРЕЖА по своему пути вбирает в себя все попутные воды, как с полей, а также из лесных ручьев. Здесь в наших местах, как уже было сказано, весенние воды в СЕРЕЖУ приносят Воробейка и Осиновка. Летом они пересыхают. В СЕРЕЖУ из ле-

са несут воду ручей Сушевка, Дерябник. Сушевка же в свою очередь пополняется лесными ручейками Рамзей, Черемасом, Каменным и Мощёным. За селом Вторусским в Серезу впадает лесной ручей Унёв, славящийся в свое время изобилием рыбы.

В летнее время во время обильных дождей лесные ручьи Рамзей и Черемас и ручейки своей водой пополняют Серезу и сохраняют ее жизнь, препятствуют пересыханию.

Лес

Самый близкий лес в полутора верстах от Кужадонихи находится «Бор», левее от него уступом вдаль «Лашкины Грядки», еще левее бывший «Волчий Дол», от которого остались отдельные низкорослые сосенки, а еще левее Березовая роща – Шубино.

За речкой Серезей у железной дороги Деряба, правее от нее Вязовый лес, где-то здесь Казенный лес с Васькиным полем, а там вдали лес Учоватинская. Березовая роща Шубино раньше принадлежала некоему богачу Шведкину, который здесь выстроил дачу. После революции в ней был организован Дом отдыха, а впоследствии санаторий «Сереза».

В семи верстах от Мотовилова расположен лесной поселок «Прорыв» с паровой лесопилкой и мельницей. В лесу находится три кардона: Жданчиха, Синдальский и Бакшеев-

ский.

Дороги

Село Мотовилово с другими селами соединено проселочными дорогами: дорога на Вторусское, дорога на Волчиху, дорога на Баусиху, дорога на Михайловку, дорога на Ломовку, дорога на Верижки, дорога на Чернуху, дорога на Шубино, дорога (гон) в лес. Дорога из села Вторусского в Чернуху пролегла поперек нашего поля, и поэтому мотовиловцы ее зовут «Поперечной» дорогой. Примечательной дорогой в наших местах является «Большая» дорога – она прошла поперек наших двух полей (первого и второго) на расстоянии трех верст от села.

Во время царствования Екатерины Второй по всей России строились большие дороги для сообщения между большими городами. Вот такая-то дорога и пролегла по нашим полям, которая соединила Нижний Новгород с Арзамасом.

Большая дорога до села Мотовилова не дошла. Она в селе Ломовке повернула на восток, пошла на село Волчиху. Большая дорога имеет ширину сажень двадцать. Обе стороны ее обрыты канавами, и обе стороны обсажены в два ряда березами. К началу двадцатого века березы выросли значительно, и, достигнув огромной высоты, растолстев и основательно окоренившись, являли собой замечательную картину, созданную руками человека. Кроны берез в высоте сомкну-

лись между собой, образовав сплошную зеленую гущу: между двумя рядами берез идешь, как по аллее.

Но ко дням нашей жизни на Большой дороге, в нашем поле, от величественных берез осталось одно воспоминание: на полугоре чудом уцелели всего-навсего две березы, да и они ежегодно подвергались варварским делам пастухов и пахарей.

Вдобавок к тому, что их кромсала стихия молниями, пастухи их поджигали сознательно и неумолимо: ради своего дикого удовольствия. Вскоре и эти две березы сдались и постепенно рухнули к ногам человека, закончили свое существование.

По ширине большой дороги проделано несколько проезжих колеи: их было не меньше десяти, так что езжай по любой и не бойся, что встретившись, негде будет разъехаться.

По дороге этой в былое время было немало езжено, немало было провезено разного груза и товара на знаменитую Нижегородскую ярмарку. Проезжали по ней знаменитые люди, по дороге этой не раз проезжал Александр Сергеевич Пушкин.

Ну конечно же нельзя не упомянуть о железной дороге,

построенной в наших местах в 1902 году. Хотя она и не проходит по нашим полям, но она пролегла вблизи от нашего села: с севера на юг, соединила собой Нижний Новгород, прошла через Арзамас, с южными городами России.

Невдалеке от Мотовилова, в двух верстах расположилась станция Сережа, названная так по имени реки Сережа. Со станции Сережа можно поехать по железной дороге в любой город Советского Союза.

На постройке дороги, да и в наши дни на железной дороге работали и работают некоторые люди – жители села Мотовилова. Мой отец в 1918-21 годах работал там водовозом, снабжал водой казармы.

Дом-изба

Дом – это наружность, а внутренность называется избой. Русская изба – это помещение, служащее для жилья и исправления других бытовых нужд семьи. Изба – это помещение, огражденное от внешнего мира четырьмя стенами, срубленными из добротных сосновых бревен, имеющее четыре угла, срубленных в чашку или влапу, и имеющее три или четыре окна. В избе из широких протёсин набирается потолок, на котором сверху для сохранения тепла насыпается древесный лист и земля, и из таких же протесин настилается пол. Под полом вырывается углубление в земле и назы-

вается подполом – для ссыпки и хранения в зимнюю пору картошки.

Изба в зимние холода является хранильницей тепла и покоя для членов семьи, а подчас телят, кур и поросят, ягнят и козлят. Над избой чердак, над чердаком при помощи стропил и жердей устроена двускатная крыша, имеющая или железную, или тесовую, или соломенную кровлю. На чердаке зимой хранится ткацкий инвентарь и другой скарб. Значительную часть (1/3) внутренности избы занимает русская печь с чуланом: печь служит для поддержания тепла в зимнюю стужу, а также очагом для приготовления харчей, пищи и выпечки хлеба, а чулан является крестьянской семейной кухней.

На печи сушатся одежда и обувь: лапти, портянки, онучи, валенки; в печурках носки, чулки, варежки. На печи помещается для всхожести тесто, квашня (накануне выпечки хлебов). Печь является основным местом, где спят и вообще находятся большинство своего времени старики. В задней части избы, под потолком, от лестницы и до задней стены подвешиваются набранные из досок полати, служащие для сна детям (чтобы взрослым не мешались).

В переднем свободном углу избы, между окнами, помещаются иконы, указывающие, что в этой избе живет право-

славная христианская семья. В этом же углу под образами, на полу стоит стол, служащий для принятия пищи семьи. Вдоль передней и боковой стены избы поставлены широкие лавки для сидения, а у задней стены (в куту) располагается кутник – это широкая лавка-скамья, на котором спят хозяин с хозяйкой.

В семьях, где есть новобрачные, молодожены, имеется самодельная с точеными ножками кровать. А вышеупомянутой мебели можно причислить самодельный стул, на котором восседает во время еды хозяин дома, и табуретка, традиционное сидалище хозяйки-стряпухи.

В избе к печи пристроена голанка для усиления тепла в зимнюю стужу, около голанки помещается лохань с помоями, над которой прикреплен рукомойник для умывания.

Сени. Это холодная пристройка, примыкающая непосредственно к избе – помещение для подсобных хозяйственных предметов и инвентаря: ведер, коромысла, кадушек, корыт, корчаг и прочего мелкого имущества.

Крыльцо. Это придел к сеням вдоль боковой стороны избы – служит для входа и выхода из избы через сени на улицу. Крыльцо имеет небольшую пологую лесенку с промежутками, в конце которой площадка и наружу дверь.

Двор – постройка, примыкающая к сеним, служит помещением для скота, сельскохозяйственного инвентаря: телег, саней, плуга, бороны, а также сбруи и дров.

Во дворе над перекладами настилаются из жердей или досок сушилка для помещения сена и соломы на зиму. В заднем углу двора располагается конюшник – теплое помещение для скотины в лютую зимнюю стужу.

Баня и огород. За двором имеется огород: земля, используемая для выращивания овощей. У некоторых в огороде растет три-пять яблонь, черемуха, рябина, смородина, малина. Здесь же в огороде стоит баня с предбанником, в которой по субботам и перед праздниками семья моется, наводит чистоту тела. Бани топят по-белому и по-черному: в последней можно не только помыться, но и как следует можно испачкаться в саже, которая на стенах и потолке висит ошметками, но зато в такой бане пар особо крепок и живителен. Баня – еще и родильное помещение для рожениц.

Сарай. За огородом, в некотором отдалении от бани, стоит сарай – помещение для запасов на год кормов для скотины. У сарая оставляется лужок – для растряски и подсушивания сена.

Овин. В самом конце усадьбы располагается овин с садилками и ямой для сушки снопов перед обмолотом зимой. У самого овина расчищается ток для сушки снопов и молотьбы летом: на току зерно сметается в ворох и веется.

Погреб. На улице перед окнами избы вырывается и благоустраивается яма с крышкой для хранения запаса овощей, заготовленных впрок на зиму. В погребе холодится молоко и квас в летнее время. На лето в погреб набрасывают снегу или льду.

Мазанки. За погребом у дороги ставится мазанка – деревянный сруб, обмазанный толстым слоем глины. Это кладовая для помещения и хранения семейного добра, одежды и обуви и наряда. В мазанке под большим, надежным от воров и от пожара замком содержится сряда и другие вещи, представляющие собой ту или иную ценность. В мазанке также с ранней весны и до глубокой осени предпочитает спать молодежь – вольготность от отцовых и материнских глаз и спокойствие от клопов и надоедливых мух.

Амбар. Для хранения зерна и зимнего инвентаря летом. Строится он преимущественно около озера для предохранения от пожаров.

Скот

Почти в каждом хозяйстве, где есть мужик, имеется лошадь; в некоторых зажиточных семьях их две, иногда с жеребенком. Почти в каждой семье есть корова, в зажиточных хозяйствах и больших семьях их две, да еще и теленок. У вдов обычно имеется коза и козлята. В некоторых хозяйствах овцы с ягнятами штук до десяти.

Свинья для деревенского хозяйства не редкость, а в больших семьях обязательна для получения мяса – свинины – на питание семье. Куры имеются в каждом хозяйстве, а в иных кур держат штук по пятнадцать. Кошка содержится в каждом доме, без нее быстро появятся надоедливые мыши и будут портить и хлеб, и одежду.

Собаку держат только любители или охотники. Собаки особенно водятся по окраинам села.

Обстановка избы

Кроме всего прочего, что было сказано выше, в больших семьях имелось по две избы: передняя и задняя. Передняя и боковушка, если дом пятистенный; нижняя и верхняя, если дом двухэтажный. В больших семьях всегда имелось по две-три пары молодоженов, и у них непременно были грудные ребятишки, поэтому в избах висела одна, а то и две зыбки на приделанном к потолку скрипучем очепе.

Если в семье занимались токарным производством, то непременно в избе в заднем углу устанавливался токарный станок, от которого во все стороны летела во время работы стружка. В зимнее время в избу вносилась для ремонта сбруя: хомуты, седелки, шлеи, оброты и вожжи. По зимам бабы пряли лен, коноплю или кудель из овечьей шерсти. От пряденья по всей избе разносилась пахучая, едкая пыль.

В зимние трескучие морозы в избу запускались куры, которые жили под печью, откуда разносили вонючий смрад. Если зимой отелится корова, то теленка непременно вносят в избное тепло и держат его до срока, т.е. двенадцать дней.

Зимой на печи, на стенах и в щелях появлялось столько тараканов, что хозяева вынуждены открывать окна и двери избы для того, чтобы тараканы померзли, а сами дня на три перекочевывали жить в шабры.

Летом в избах разрождалось столько мух, что от них не было никакого спасения; они во время принятия пищи так и лезли в рот, заставляя того или иного поспешно выбегать из-за стола на улицу, чтобы выbleваться.

По веснам бабы вносили в избу стан для тканья холстов, заставляя избу сковальниками, мотовилами, вьюрками, гребнями, лыкальниками, воробами, скальницами, вьюшка-

ми и прочей дребеденью, нужною для тканья.

Одежда и обувь

Одежда и обувь крестьяне производили сами для себя: из сотканного сукна шили себе пиджаки, кафтаны, чапаны, онучи; из холста шили рубахи, портки, окрашенные ольховой кожурой. Из выделанных овчин шили полушубки, бабам шубы, а для поездок в дорогу овчинный тулуп. Лапти из лык плели сами: сапоги были не у всех и считались роскошью, носились они только по праздникам.

Сатиновая рубаха или «толстовка» и молескиновые штаны надевали только в праздники. Калоши, «коробочные ботинки», брюки клеш были не у всех, а только у зажиточных людей. О костюмах в то время и слыхом не слыхать. Зимой на голове лохматая шапка, или малахай, сшитый из телячьей шкуры. У женихов появились шапки-кубанки, купленные в городе. В летнее время старый картуз с переломленным козырьком, у женихов появились щегольские кепки.

Пища

Крестьянская семья в сутки обычно едят три раза: утром за завтраком, среди дня за обедом и вечером за ужином. Щи или суп, картошка, каша, иногда блины. В постные дни в Среду и Пятницу – постная пища для всей семьи: постный суп, картошка с постным маслом, каша с маслом, огурцы, ка-

пуста, грибы. В продолжительные посты ко всему этому прибавлялось: солодушки, пареная свекла или брюква, редька.

Толченое конопляное семя – для забелки похлебки. По большим праздникам и когда разговееется: щи из свинины, картошка с салом, каша с коровьим маслом, лапша, яичница, ватрушки или пироги с молоком – в такие дни обедали из восьми блюд и за столом сидели не мене часа.

За столом порядок был отменный: без шума и без хитрых уловок, нарушитель порядка от стариков получал ложкой по лбу. К обеду собирались все – между обедами есть, как правило, не полагалось.

Культура быта

В начале века в селе была сплошная неграмотность: разговорная речь между людьми была грубой, с подковыриванием, всюду – следы невежества и губительного позора: уборной при дворе, как правило, не было. Промешки между мазанок и пробелы между домов зачастую были загажены.

На все село было всего не больше 10 человек грамотных и культурных людей:

1. Касаткин Н.В. (священник)
2. Скородумов К.П. (дьякон)
3. Вознесенский И.П. (псаломщик)

4. Прасковья Егорьевна (бывшая учительница)
5. Лидия Ивановна (учительница)
6. Евгений Семенович Лопырин (учитель)
7. Надежда Васильевна (учительница)
8. Александра Васильевна (учительница)
9. Лобаков Михаил Федорович (волостной писарь)
10. Сестры Беляевы

При школе имелась библиотека. В школе учились по две-три зимы, а девки – одну зиму (надо прясть, а замужем грамотность не нужна).

Гражданская война сказалась на общей культуре сельского быта. Не хватало соли, за ней ездили в Н. Новгород и Балахну. Спичек не было совсем. Чтобы зажечь лучину, надо было всей семьей раздувать на шестке горячие угли до тех пор, как вспыхнет лучина, потом научились делать из серы самодельные спички, от которых пахло удушливым газом серы. Керосина совсем не было – жгли лучину на светце, кое у кого имелись коптишки, с которыми сидели бабы, пряли и выходили во двор к скотине, вставив ее в деревянный фонарь.

Хотя лампы у некоторых жителей села и появились в начале века, их с удивлением рассматривали любопытные люди, соседи – шабры и долго не могли ими пользоваться, не уме-

ли их зажечь, а теперь они и вовсе бездействовали за неимением керосина.

Только с 1923 года, после окончания гражданской войны, в селе стали появляться признаки культуры. Появились лампы: 5-7-10 линий, а у некоторых и «молния». Кое-кто (конечно, из грамотных) стали выписывать газету «Беднота», журнал «Лапоть». Осенью в школе при большом стечении народа через посредство «волшебного» фонаря показали живые картинки – под общий веселый смех, с разинутыми ртами зрители смотрели, как с засученными по колена портками ребята ногами месили глину.

Ранее, в голодные 1919-1921 годы, можно было за блин посмотреть картинки через увеличительное стекло, накрывшись черным платком, в каком-то ящике на ножках, который носили по селу какие-то благородные люди, но те были картинки не живые, а это просто всем на удивленье. На стене изображенные люди машут руками и бегают, как живые. Это просто какое-то чудодейственное волшебство.

В 1925 году открылась изба-читальня, где можно было почитать газеты и журналы. Избачами были:

- 1925-26 г. Кутлаков
- в 1927 г. Жуков Н.
- в 1928 г. Варецкий Анатолий

– 1928-29 г. Шмелев Александр Васильевич (мой брат)

В избе-читальне частенько ставили спектакли силами своих доморожденных артистов: Сергей Лабин, Иван Додонов, Яков Лобанов, Алексей Хорев и учительницы Беляевой Н.В.

В село частенько стали наезжать артисты из городов: читали лекции, показывали фокусы, акробатику, а силач Ваня Дубровский в 1927 году на жителей села произвел неизгладимое впечатление: он руками гнул разные железки. На его спине восемь человек гнули рельсу, он зубами перекинул через себя связку гирь весом в пять пудов, на его груди раскалывали спиленные чурбаки, на него, лежащего, навалили камень, пудов в тридцать весом, а гвоздем программы был номер, всколыхнувший все взрослое население села. Этот номер по условию был таков: кто из публики кувалдой выбьет из зубов Дубровского двухпудовую гирю, тот получит вознаграждение в сумме 100 рублей. Сумма по тому времени солидная.

Охотником из публики вызвался кузнец Иван Иванович Мирашевский (Фараон). Он по-молодецки вспрыгнул на сцену. Для проверки меткости Дубровский попросил кузнеца кувалдой ударить по гире вхолостую. Удар был безукоризненно точным, и состязание началось. Дубровский, наклонившись, взял в зубы веревочку, на которой висела гиря.

Коллега Дубровского давал команду, когда можно производить удары по гире.

Первый удар кувалдой по гире заставил ее покачиваться из стороны в сторону, второй удар раскачивание усилил, после третьего удара гиря из зубов выпала, и тут поднялся невообразимый шум, кутерьма и суматоха. Старухи взвыли от жалости; любители выпить предчувствовали даровое угощение, неистово орали и хлопали в ладоши, некоторые от удовольствия просто гоготали. Мирашевский же, опершись на черенок кувалды, блаженно молчал – праздновал победу. Дубровский, покраснев от возмущения, рассуждая и размахивая руками, доказывал, что гирю он якобы нарочно выпустил из зубов затем, чтобы заметить о неправильных ударах, которые якобы наносились по гире не с боку, а сверху. Спор и невообразимый гам закончился тем, что Дубровский отказался выплатить деньги, а повторить номер он побоялся, как бы удар не угодил по голове.

В 1925 году в школе была показана первая кинокартина «Везде и всегда неграмотному беда». Народу набилось невпроворот, битком. Билет стоил пять копеек, за которые люди в продолжение двух часов были в восторге и в восхищении от самого искусства и содержания самой картины.

После каждой кинокартины в селе разговору хватает на

целый месяц, а после представления Вани Дубровского разговор и повторения его номеров среди молодежи не унимались близ году. Парням хотелось чем-нибудь быть похожими на силача. Их охватил азарт: кто зубами гирию поднимает, некоторые руками железки гнут, некоторые просят на своей груди закомелистый чурбан расколоть, а Васька Дебанов добровольно согласился на то, чтобы на него лежачего камней и разных тяжестей навалили, что и было сделано. Васька доверительно растянулся на лужайке около двора. На него сначала положили снятую для этого дела с петель от конюшника дверь, на нее под общий смех ребята стали накладывать разнообразные тяжелые предметы. Тут были камни, кирпичи, чугунные буксы от вагона, на него же взвалили тяжеленное точило, а среди всего тут же тюкнулся своим пятипудовым телом Ромка. Васька под этой тяжестью крикнул и едва мог прохрипеть «Караул!». Видя, что с новоявленным силачом произошло, что-то недаровое, ребяташки поспешно стали поспешно скидывать с двери, под которой присмирел Васька, весь груз. А когда окончательно все убрали, Васька, едва поднявшись на ноги, уныло побрел к своему дому. После этого «сеанса» Васька больше недели отлежал в постели, у него была непомерно сдавлена грудь, его карьера силача на этом и закончилась.

У молодежи села появилась вполне городская модная обувь: калоши, которые носились не в сырую погоду, а в жар-

кую; хромовые ботинки, покупались в городе прямо в коробках, отчего их и называли не иначе как «коробочки».

НЭП сказался во всем: жители села стали приобретать разнообразные бытовые предметы. В семьях появились самовары, по субботам после бани и в праздники люди стали заниматься чаепитием с сахаром, конфетами, кренделями (вместо сахара). Из тайников кладовых стали выволакиваться на свет божий граммофоны, старые велосипеды; жёнами хлопотали о гармониях, потому что гармонистов девочки лучше любят. Хозяйственные, деловитые мужики стали приобретать вместо сохи плуги, веялки, молотилки.

Занятия

Основным занятием жителей села Мотовилова, конечно, было земледелие. Сеяли рожь, овес, вику, просо, гречиху, горох, коноплю, лен, сажали картошку. Урожай зерновых молотили разными способами. Снопья хлытали о козлы, молотили цепями, мяли лошадыми и колесницами, валами с набитыми в них клиньямы. Коноплю молотили, выколачивая зерно из них палками, семя льна выбивали вальками. Конопля после обмолота мочили в ямах, в реке Воробейке около леса (чтобы кострика была хрупкой и волокно отделилось от нее, а лен на поляне около реки Сережи расстилали, чтобы кострика была хрупкой). Чтобы отделить волокно от кострики, лен и конопля мяли мяльницами и трепали трепалками, после чего волокно становилось мягким и шелковистым.

Чтобы конопли выросли в рост человека, их сеяли на усадьбе за сараем – на хорошей земле, а картошку садили в поле. Картофель родился мелкий. Зерно после обмолота снопов веяли на токах, подкидывая его лопатой вверх на ветер – мякина отдувалась, а зерно падало получистым на тог. Только потом появились веялки, молотилки, сеялки. В былые времена многие жители села, у которых, конечно, имелись лошади, занимались извозом. По зимам с грузом уезжали из села на значительные расстояния, ездили в Урюпин, а иные доезжали и до Астрахани, и домой возвращались только к весне. После возникновения в селе кустарничества – токарного производства, люди научились вырабатывать точечные стулья, которые для сбыта отвозили в Астрахань, оттуда привозили камыш (для оплетки стульев) и рыбу.

Впоследствии научились изготавливать красиво раскрашенную детскую коляску-каталку. Откуда появился на селе первый токарный станок, толком никто, пожалуй, не знает. Какой-то мозговитый мужичонка где-то посмотрел и перенял опыт мастеров-токарей и сам сконструировал токарный станок.

Первый станок был сам по себе прост и примитивен: деревянное маховое колесо (вырезанный из протесин круг), вращалось при помощи кривошипа ногами. От колеса враще-

ние при помощи ременной передачи передавалось на деревянный шкив, насаженный на металлический валик. На одном конце валик сделан так называемый гроздь, служащий для закрепления и вращения обрабатываемой детали. Зажатая деревянная, преимущественно из липы, деталь получала быстрое вращение и при помощи збойника и скошенного долота обтачивалась, получая круглую форму.

Сама детская коляска-каталка состоит из тридцати двух деталей, скрепленных между собой в надлежащем порядке при помощи шипов и пятидесяти отверстий.

Детали каталки таковы: 4 ножи, 9 проножек, 2 бруска, 2 оси, 4 колеса, 9 стоячек, 1 доньшко, 1 запорка. После скрепления этих деталей с последующей раскраской анилиновыми красками четырех цветов, получалась красивая, удобная для катания детская каталка-тележка, в которую усаживают малыша и, катая его по полу или лужайке, успокаивают его капризы.

В период НЭПа, расцвета жизни, в селе Мотовилове производство каталок так возросло, что почти в каждом доме приобретается токарный станок, даже бабы занимались токарным делом. Один человек за день может изготовить около шести штук каталок. Сдавались каталки скупщикам, которые в 1924 году объединились в так называемый трест. В нем состояли вполне авторитетные и честные люди: Васюкин

И.В., Павлов А.А., Цепяев М.Ф., Лабин И.Е., Лабин М.Е.
и Лабин В.Г.

Кустарю за каждую каталку выплачивалось по 18 копеек, а они сбывали их по 20 копеек, рассылая во многие города России. Если человек, не изнуря себя, сделает за день 5 каталок, то он зарабатывал 90 копеек, на которые мог купить пуд хлеба.

Но погоня за современностью и конкуренция не давали покоя завистливым и расчетливым людям: не жалея сил и не щадя своего здоровья, некоторые работали до 20 часов в сутки, иногда спали прямо под станком, на стружках. Условия труда были не совсем благоприятными для работы: теснота, темнота, спертость воздуха в токарне, экономия в пище – губительно отражались на здоровье токаря: лицо бледное, слабые мускулы, едва обтянутые хилой кожей – вот удел токаря-профессионала.

В погоне за заработком некоторые труженики ухитрились производить по 10-12 штук каталок, подрывая и изнуря себя и жену до невозможности.

Некоторые мечтали о механизации станка, и в моменты недлительных перекуров размышляли, как бы к станку приспособить механизацию или лошадиную силу, но эта мечта

была далека от действительности. В этот период времени село Мотовилово приобрело среди окружающих сел большую значимость и до некоторой степени экономическое превосходство.

Из сел Пустыни и Наумовки в Мотовилово доставлялось сырье – липка-голье, пильщики села Волчихи толстые липовые плахи распиливали на тоненькие доски, из которых изготавливались доньшки для каталок, жители села В. Майдана доставляли в Мотовилово самогон из села Салалеи, привозились в возах для продажи мотовиловцам яблоки и вишня.

Мотовилово развивалось, росло, пользуясь большим авторитетом во всей приближенной округе.

На зиму в Мотовилово приезжали портные: шили пиджаки, шубы, кафтаны, саки, чапаны и тулупы.

На зимний сезон наезжали валяльщики. Валяли обувь из шерсти, сапоги и чесанки. Работая в сыром подвальном помещении, в жару и смраде, в темноте нагишом, добывая себе деньги тяжелым трудом.

Одежда

Осенью женщины одевались в кафтаны из самотканого грубого сукна. Мужики одевались в пиджаки из того же гру-

бого сукна.

Зимой у баб овчинная перешитая шуба, у мужиков овчинный пиджак, в дорогу чапан или овчинный тулуп.

Молодежи – парням шили пиджаки из овчины черной дубки с воротником и белой опушкой по отворотам и подолу. Девкам шились молескиновые саки, а по большим праздникам они выряжались в суконные курточки со множеством боров. В праздники мотовиловцы любили наряжаться отменно, изысканно: девки меняли свои наряды до трех раз в сутки, показывая этим наличие добра и сарафанов, чтобы любопытные люди могли сосчитать, сколько у той или иной невесты сарафанов имеется в сундуках, а их у некоторых было не меньше десяти. Иногда же для бахвальства некоторые невесты заимствовали сарафаны у родни, чтобы привлечь внимание женихов. «Лицом плоха, зато добром богата!» – говаривали бабы.

На головы девки повязывали красиво расписанные шерстяные шали и полушалки, в которых даже дурная лицом девка становится по-своему красивой и приятной на вид. На ноги обували чесанки с калошами. Хотя на улице жестокий мороз, но обувь без калош считалась не по моде. Парни также в чесанках с калошами. Чесанки непременно для щегольства должны быть с завернутыми вверху голенищами,

а на голове парня-жениха надвинутая набекрень шапка-кубанка.

Летом парни наряжались подстать девичьему наряду: в разноцветные, шелковые, шерстяные или сатиновые рубахи. Так что в теплые дни Пасхи с колокольни видно было, как парни и девки артелями шли в бор гулять. По-весеннему голое еще поле расцветивалось разнообразными движущимися цветами (красным, зеленым, голубым, желтым) от села к бору и от бора до самого села. Ту же картину с колокольни можно было наблюдать и на улицах села в праздничные дни.

В Троицу девки навтуливали на себя (особенно отличающиеся хилостью своего тела) по несколько юбок и сверх их шерстяной сарафан, и, изнывая, млели от тяжести наряда, жары и пота.

В летнюю жару на улице развешивали нарыды на солнышке, чтобы пожарить от зимней залежалости и выветрить неприятный запах нафталина. Проходя по улице в это время, можно было любоваться разнообразнейшей одеждой разных людей, игрой красок. У баб в это время на душе ликующий азарт и соперничество в нарядах.

Праздники, забавы и развлечения

Осенью, после трудового лета, наступала долгожданная

пора отдохновения – после трудов праведных, наконец-то, наступил праздник, в который можно отдохнуть, повеселиться, а женихам пора и жениться: Престольный праздник в селе Мотовилове – Покров, 14 октября. Трехдневный отдых, гулянье, веселье с беседами, об изобильном снятом урожае. В этот праздник, как правило, не возбранялась выпивка. Артелями люди ходили по гостям, парни с девками устраивали тоже гулянки с выпивкой и с гармонью, и с песнями разгуливались по улицам села.

В Покров вышедшие в годы парни женились, выбирали подоспевших к замужеству девок. К концу праздников в селах забот по горло – хоть отбавляй. С 14 октября начинается рождественский пост, так называемые Филипповки – это глухая пора, и до самого Рождества затишье в бытовом поведении людей. 25-го декабря Рождество – второй по значимости праздник русского крестьянина-христианина.

В первый день Рождества церковь битком набита народом. После сорокадневного поста – разговенье. Со второго дня начинаются Святки, время потехи для молодежи. Девки, организовавшиеся в артели, снимали у одиноких вдов себе квартиру-келью, вечерами «сидели» там, показывая себя во всей своей девичьей красоте, и каждая артель являла собой показ невест. В любой артели любой жених мог выбрать себе невесту и по своему усмотрению и взаимному согласию мог

жениться на любой приглянувшейся ему на святках девке.

Святки длились до Крещения. В первый день девки клали парням «вьюна», с пением хвалебной-величальной песни. Здесь полагалось взаимное целование с выдержкой такта и порядочности.

Под Новый Год проводилось традиционное гадание: девки-невесты гадали, стараясь угадать, кто же будет ее женихом и мужем, с которым свяжет она свою судьбу на всю жизнь. Святки без ряженных мало, когда бывали – наряжались по-разному. В вывороченные наизнанку овчинные шубы, мазали свои лица краской и сажей, чтобы не быть узнаваемыми, и ходили по всем кельям с гармонью и песнями. А келий в селе было не меньше десяти. На каждой улице была артель девок навиданье или же девчонок-подростков, которые тоже росли и готовились быть невестами.

Во время святок в кельях девки «сидели» часов до двух ночи – за это время было спето много песен, а женихи показывали свое ухарство, забавляя пытливых и жадных до новостей девок.

Здесь показывались любопытные проделки и фокусы, и волшебства. Примораживали в теплом помещении кельи к полу чугуны, так что силком не отдерешь, всем на удивление, заставляли «плясать» стол, а некоторым парням-простофи-

лям напускали в рукав гусей и уток. Конечно, никаких уток он не видел, а под общий смех ему просто-напросто наливали в рукав воды, и он сконфуженный уходил из кельи домой сушиться.

На Святках полагалось женихам «припевать» своих невест. Девки пели величальную песню. В конце песни невеста поднималась со своего места, подходила к жениху, целовала его и за это получала от него в виде подарка деньги. В конце Святков полагалось – каждая невеста дарила своему жениху платочек, который она старательно вышивала за время Святков. Предоставлялась возможность любому парню-жениху поцеловать любую девуку, стоило только её «принять» и подарить ей деньги.

Накануне Нового Года девки, нарядившись в праздничный наряд, артелями обходили дома своих женихов, где пели также величальные песни и получали за это деньги, на которые и приобретали для своих женихов те или иные подарки.

Святки также была пора сватовства и женитьбы парней, которые своим возрастом оказались на пороге перехода от парня к мужику, так как наступила время обзаводиться своей семьей. От Рождества до Масленицы многие парни становятся мужчинами, а многие девки – женщинами.

Масленица

От Крещения до Масленицы – пора свадеб и подготовка к Масленице – недели за три до Масленицы по воскресеньям делали пробные выезды на наряженных лошадях с колокольчиками, проезжали по улицам вокруг села, катались, встречали Масленицу.

Масленица начиналась с четверга на Масленичной неделе. После обеда в этот день из изб (у которых не было специальных токарен) выносились во двор токарные станки, в избах наводился праздничный порядок, и веселый традиционный праздник начинался. У кого в родне за этот год были молодожены, с невестинной стороны вечером в четверг собирались ближние родные и шли за молодыми к сватьям, в дом, где живет их выданная замуж дочь.

Сватья угощали гостей и провожали своих молодых в дом отца и матери «молодой», где она жила до замужества. Зять со своей молодой женой на время Масленицы переселялся в дом тестя, на «Тещины блины». Молодожены этого года, собираясь в артель, всю масленицу ходили по гостям в дома всех участников этой артели. Парни-женихи, катая на разуряженных лошадях с колоколами и бубенчиками своих невест, старались показать перед народом свое щегольство, ухарство, удаль и отвагу.

В меру подвыпившие, они каждый по-своему выказывали свое отличительное свойств: кто-то, щеголевато одевшись, старался покорить девичьи сердца одеждой и манерой обращения, кто-то, разрядив сбруей и лентами лошадь, с двумя колоколами под дугой и бубенцами-глухарями на шее лошади, в санках разъезжая по улицам, показывали свою удаль и отвагу, а кто, с ухарством заломив шапку набекрень, играл на гармошке-двухрядке, покоряя девичьи сердца, столь падкие на музыку гармонии.

Катание на лошадях в Масленицу представляло из себя замечательное зрелище. Если дни Масленицы ясные и сравнительно теплые, то люди – жители села от мала до велика целыми днями проводят на улице. Молодежь, парни и девки, почти весь день проводят в катании, а пожилые и даже старики с малыми детьми выходили на улицу, ставили около дороги стул или табуретку и целыми днями неумолимо наблюдали за катающейся нарядной публикой. Запасшись семечками и орехами в карманах, они просиживали на месте до полного иззябания. Иной раз, забывали сходить домой пообедать.

Народное веселое гулянье увлекало всех. Кроме катания, молодые парни увлекались разведением традиционных масленичных костров. На дороге улицы, как гласило предание, «жгли молоко», которое было грех употреблять от масленицы до Пасхи. Костры разводили на улицах у дороги. Азарт

доводил до того, что отдельные парни-озорники стаскивали с крыш у каких-нибудь беспомощных старух и вдов солому и охлыски, волокли все это к костру и под веселый смех сжигали немудрящее вдовье достояние на костре. Разжиганию костров препятствовала милиция, так что в момент этого веселого азарта, кто тревожно крикнет «Милиционер!», то все разжигатели разбегались врассыпную, боясь попасться в руки милиционера, который мог составить протокол и наложить штраф. Оставленный в таких случаях костер милиционер обычно расшвыривал ногами, затапывал и уходил, а ватага ребят снова сходилась, и костер снова полыхал. Зато в масленичные ночи для парней-любителей костров – полная лафа. Милиционер сидит дома, старухи и старики-бранители спят. Тут для парней азарт и потеха. В костер несут кто берену дров, кто охапку соломы, стащенной с вдовой крыши.

Некоторые парни додумывались до того, что, взяв бутылку с керосином, набрав из горлышка в рот керосина, прыскали им на горевшую головешку. Распыленный таким образом керосин ярким пламенем вспыхивал, озаряя темень ночной улицы, – производил световой эффект.

Народ в Масленицу наряжался в что ни на есть нарядную одежду: бабы и девки на головы повязывали разнообразнейших раскрасок шерстяные шали и полушалки, парни на шеи наворачивали радужной окраски шарфы, лошади разу-

крашенную в медных бляшках сбрую, а в гривы, челки и хвосты вплетывались разноцветные ленты – все это разукрашивало улицы села в величавый наряд, который от песен подвыпивших толп, от звуков гармоней, от звона колокольчиков и бубенчиков, от непрерывного обоза катающихся. От масленичного веселого перезвона колокольчиков три дня звенело в ушах после того, как Масленица уже кончалась.

За три дня от обоза лошадей санок и саней, проходившего во время катания на улицах, дорогу выбивали до того, что она становилась почти непроезжей: копыта лошадей, полозья санок и саней снег размягчали в вязкую массу, в которой полозья тонули по самые нащепы. Парни-женихи, которые гуляли последнюю Масленицу холостыми, показывали свою неудержимую удаль и ухарство. Посадив в санки своих излюбленных невест, они ухарски проносились по улицам на разъяренных лошадях, запряженных иногда «гусем». Причем они старались на выхвалку кататься в общем обозе, а навстречь ему или же вздумают пустить лошадей галопом вскачь в обгоны, кто кого обгонит. Здесь выставляется на вид залихватский азарт, ухарство выхвалка и отвага, кончающиеся иногда дракой.

Великий Пост

Отгремит Масленица, кончится веселье и наступит Великий Пост – пора укрощения души и воздержания для тела.

Великий Пост длится 48 дней до Пасхи. Семь недель говения, неупотребления молока, яиц и мяса. Каждый человек выбирает для себя любую неделю из семи и говеет – ходит в церковь к службе днем к обедне, а вечером к вечерне. В пятницу исповедуется – кается в проделанных за год, грехах своих, а в субботу причащается святых Христовых Тайн – очищает свою душу и тело от греховных дел за целый год.

Старухи говеют по два раза: на первой неделе и на страстной. Парни-женихи уговариваются с девками-невестами говеть (последнее перед женитьбой говенье) вместе на одной неделе, обычно они выбирают «вербную неделю».

Колокольный звон в обычные будничные дни поста проводится не в большой, как обычно, а в набатный – сам звон вселяет в душу уныние и напоминает о кротости и воздержании во всем: в еде, в словах и в действиях.

Наконец, наступает Вербное Воскресенье: в церковь люди идут с вербой, с сознанием, что большая часть поста прошла, осталось только шесть дней до великого христианского праздника Пасхи. В эти оставшиеся шесть дней идет деятельная подготовка к празднику: в избах начинает наводиться порядок и чистота, грязь и копоть, накопившиеся в избе за год, смываются и удаляются, во время авральной уборки внутренность избы освежается полностью, все скоблит-

ся, чистится, печки белятся, а стены обклеиваются обоями (шпалерами). Обычно (если время позволяло) на Страстной неделе выгоняют скот в поле на пастьбу после длительной стоянки его во дворах и хлевах. Скотину в первый день на пастьбу в поле провожали с крестным ходом и с молебном. бабы гнали коров, овец и телят оставшейся от праздника вербой, мужики подводили застоявшихся лошадей в поводу, пастухи торжественно и степенно подходили к священнику под благословение и окропление. Всюду ржание застоявшихся лошадей, неистовый коровий мык.

Выгон скота превращался в своеобразный праздник сельского христианина скотодержателя. Почти все взрослое население шло к прогону в сопровождении крестного хора с иконами, хоругвями и священного песнопения.

Со среды страстной недели наступали дни особого почитания страданий Иисуса Христа, его крестная смерть и погребение.

В Великий Четверг в церкви читались двенадцать Евангелиев о страданиях Христа: о предании его Иудой, об осуждении его Пилатом на смерть, распятии его на кресте.

Эти четыре дня страстной недели – среду, четверг, пятницу и субботу – каждый верующий христианин старался как

можно меньше употреблять пищи, хотя и постной: ели только хлеб с огурцами или капустой не более двух раз в день, а старухи эти четыре дня совсем воздерживались от принятия пищи. Все люди от мала до велика готовились к великому, самому большому и значительному празднику христиан – к Пасхе.

Пасха

Самый большой и значительный христианский праздник Пасха не в числах. Она бывает самая ранняя 5-го апреля, а самая поздняя 6-го мая по новому стилю. Пасха в полной зависимости от луны: пасхальная ночь должна быть обязательно темной в ознаменование того, когда Моисей вывел израильтян из египетского плена – ночь была также темной.

Мне вспоминается Пасха 1926 года. Пасха самая торжественная и значительная по великолепию и радостному ликованию всего народа нашего села. Мне в то время было 10 лет. Люди, накануне с вечера, прилегшие отдохнуть, вскоре вставали с постели с зажжёнными фонарями или просто с горящими смолевыми поленьями, шли к церкви. В церковный загороди, около сторожки, с вечера разжигали костер из негодной рассыпавшейся дегтярной бочки, которую для этой цели дарствовал потребительский кооператив. По прибытии к церкви, люди бросали остатки недогоревших за дорогу смолюшек в общий костер, потом, окружив костер, стоя

грелись у огня, ожидая начала пасхального богослужения. А начало богослужения начиналось со взрыва – звукового эффекта, устроенного для этой цели сельскими любителями пиротехники: Лабиным Сергеем Николаевичем и Санькой Лунькиным – приуроченного к 11-ти часам ночи.

Устройство для взрыва готовили накануне: подыскивали самый что ни на есть свилеватый, закомелистый березовый чурбан, набивали на него в кузнице два железных обруча (для крепости), просверливали в нем значительное по величине отверстие и засыпали в него с килограмм пороху. Крепко-накрепко забивали деревянной пробкой. К заряду приделывали бикфордов шнур.

К 11-ти часам ночи заготовленный снаряд помещали за магазином на берегу озера и, условившись с залезшим на колокольню звонарем, поджидали, когда стрелки часов покажут одиннадцать. Звонарь, раскачав язык большого колокола, приготовился сделать первый удар, который должен последовать тут же после произведенного взрыва. Наконец, время подошло, шнур подожжен, пиротехники, укрывшись в укромные безопасные места, ждут взрыва.

Огонь по зажженному шнуру добрался до заряда, раздастся сильный, оглушительный взрыв, от которого затряслась земля и зазвенели в окнах стекла, раскатисто раздался по

воде озера; колокольный звон слился с гулом. И взрыв, и колокольный звон взбудоражили народ. Спящие в домах люди проснулись, зашевелились и в торопливом собирании толпами и в одиночку поспешно устремились к церкви. К одиннадцати церковь полностью наполняется народом. Некоторые с вечера, не покидая ее, дремлют, примостившись по сторонам.

В 11.30 начинается служба, так называемая «Полуночица», которая начинается пением на хорах «Волною морскою...», а в 12.00 начинается Крестный ход вокруг церкви, который знаменует собой встречу воскресшего Христа с торжественным песнопением: «Воскресение твое, Христе Спасе, Ангелы поют на небеси...»

Для крестного хода из церкви люди выносят все иконы, которые подобает выносить для крестного хода, все хоругви, крест, Евангелие, фонарь и другую церковную утварь, знаменующую торжественность крестного хода. К этому времени поджигаются развешенные вокруг церкви на деревьях, намоченные в керосине, факелы. У входа в церковь зажигаются разноцветные фонарики и огромный шар. Все это создает праздничный световой эффект, который старательно устраивали Яков Васильевич Лабин и мой дядя, Федор Михайлович Молодцов.

При прохождении крестного хода на колокольне производился торжественно-ликующий колокольный трезвон, а народ, каждый имея в руках своих по зажженной свече, благоговейно, торжественно и празднично ликуя, шествовал за иконами и хоругвями.

Впереди хоров, правого и левого, которые не прекращали петь торжественную песнь, и священства, шли ракетчики, неся в приподнятых руках ракеты-свечи, из которых время от времени вверх вылетали разноцветные огненные шарики величиной с куриной яйцо. Эти шарики, достигнув значительной высоты, снова падали на землю, но не долетев до земли, рассыпались и таяли. Один такой шарик, падая вниз и не долетев до земли сажен пять, внезапно взорвался и вновь взлетел ввысь.

А один ракетчик, Федор В., держал в руке палку, к которой была прикреплена ракета-мельница-искромет. От нее сыпалось тысячи разноцветных шариков и искр. Зрелище было, не поддающееся описанию, великолепно само по себе и вселяющее торжество и ликование в каждую душу, участвующую в этом неповторимом по красоте праздничном шествии.

По окончании крестного хода, в притворе священство и хоры несколько раз поют «Христос воскрес», а потом все

проходят в летнюю часть церкви, где начинается торжественная пасхальная заутреня. После заутрени, не выходя из церкви, тут же начинается обедня, которая заканчивается обычно еще затемно.

После обедни люди расходятся по своим домам, торжественно христосываются и за столом обедают – разговляются пасхальной пищей: крашеными яйцами, щами из свинины, картошкой с салом, кашей с маслом, лапшой яичной, ватрушками с молоком. Ребятишкам лафа, им всю Пасху дают крашеные яйца.

Восемь дней Пасхи – это дни веселья, радости и отдохновения. Все восемь дней на колокольне производится торжественно-ликующий трезвон. На колокольню залезали звонить такие специалисты этого дела, как Трынок, Яков Лабин, Шмелев А.В. (мой брат) и др. Но туда залезали и просто взбалмошные парни, звонили кто как сумеет, а больше не звонили, а озоровали и кочевряжились: то старались поднять язык самого большого колокола, то прислужиться беспорядочно и очумело, с озорством балабанить во все колокола. На колокольню было принято слазить ежедневно раза по три. Лазили и девки – всех интересовал вид окрестной местности, который величественно открывался с высоты колокольни. До самого горизонта – причудливые картины природы.

С колокольни видно, как из дома в дом с пасхальным молебном обходят богоносцы со священством во главе, с высоты колокольни среди деревьев и других построек взором отыскиваешь и находишь свой родной дом. Оттуда же видно, как над своими гнездами летают и вьются грачи и галки, наблюдаешь наддвигающимися по улицам нарядными людьми. С высоты они кажутся нечто вроде ползающих муравьев. Оттуда видишь, как на одной отдаленной улице парни играют в лапту, а девки катаются на релях, раздуваясь на лету, мелькали их разноцветные кофты и сарафаны, а в полях видна пасущаяся скотина.

В конце Пасхи – в Радоницу – с колокольни хорошо наблюдать толпы парней и девок в разноцветных рубахах и сарафанах артелями шли в лес на гулянье и за цветами. Начиная с Радоницы, и так всю весну. По вечерам на главном перекрестке села около дома Дунаева собиралось много народа: молодые бабы и девки, взявшись за руки, водили хором, пели протяжные, певучие по форме и задушевные по содержанию веселые песни, прославляя весну, молодость, любовь. А когда расцветет черемуха и сирень, каждый парень сломит кустик этих пахучих, дурманящих душу цветов, одарит девок и артелями с гармонью пойдут вокруг села. Кругом слышатся залиvistые песни и веселый весенний, задорный смех. А к ночи девки артелями рассаживаются на бревнах или на примостках амбаров, на берегу озера и до самой

утренней зари поют песни, а женихи петухами топчутся около их, углядывая, к которой бы тюкнуться на колени.

Семик

На троицкой неделе, в четверг, девичий праздник Семик. В этот день, под вечер, девки наряжаются кавалерами. Надевают на себя мужские брюки, шерстяные или шелковые рубахи, на голову шляпу, берут в руки зонт и парами с барашниками, артелями шествуют по улицам вокруг села. Такие артели, сопровождаемые толпой ребятишек, время от времени останавливаются, становятся в круг и начинают петь хороводные или вообще весенние песни. Для пущей важности «кавалеры» разливают из бутылки вино (воду) и подносят каждому из своей артели. Постояв и попев в кругу, артель ряженных двигается снова в путь, к великому удовольствию пытливых баб и парней-женихов.

Троица

Троица – это последний весенний праздник. В этот праздник из лесу привозят возами нарубленные зеленые кусты березы рябины, клена. Кустами разуряжают внутри церковь, украшают снаружи и внутри дома, а для девок из бережок делают своего рода садик, в котором девки собираются артелями и степенно пьют вино. К ним, конечно, присовокупляются парни, и вместе начинается веселое гулянье с гармонью и песнями. На второй день, в Духов день, гулянье продолжа-

ется. Несмотря на жаркую в это время погоду, девки, нарядившись в шерстяные сарафаны и поддев несколько юбок, млеют в таком одеянии, изнывая от одолевавшего пота, под хмельком разгуливаются по улицам села.

Купальный понедельник

Пройдет после Троицы неделя, и наступит Купальный понедельник, с которого начинаются Петровки – непродолжительный пост. В Купальный понедельник (обычно под вечер) парни, сначала сами измоченные водой, стараются изловить девок и выкупать в озере или просто облить водой, или из ведра, или же опрыснуть из какого-нибудь насоса.

По улицам задорная беготня, смех, крик, девичий визг. Девки стараются спрятаться в каком-нибудь укромном месте, забиваются в мазанки, но дотошные парни-женихи ухитряются ворваться туда, выволакивали девок из укрытий и под общий веселый крик, смех и ликование вели девок к озеру и бросали их в воду с самого конька мостков. Под самый только вечер стихал азарт – разговору и бахвальства – хоть отбавляй, и парни с девками снова вместе на гулянье.

Молебствие

После весенних полевых работ, когда все посеяно и посажено, наступает глухая пора, которая кончается с началом сенокоса. Такой период времени как раз и совпадает с пет-

ровским постом. В этот непродолжительный пост и решает народ помолобствоваться. В одну из суббот этого поста вдовичи и богомольные люди, собравшись артелью, уходили в село Пустынь за явленной иконой «Успение».

Сельсоветский нарядчик «Пилат» обходил улицы села и громогласно извещал трудовой народ о том, чтобы все бросали работу, шли встречать икону. Вечером в церкви отслуживалась всенощная с чтением акафиста в честь принесенной иконы, а на второй день, в воскресенье, после обедни, с крестного хода начиналось трехдневное молебствие. По случаю такого торжества в церковь собирался весь богобоязненный народ. Под призыв колокольного благовеста, утром все улицы села наполнялись спешившими в церковь людьми, нарядившимися в летние наряды.

После обедни под мелодичный колокольный трезвон народ кучной толпой выходил из церкви, выносили все иконы во главе с иконой «Успение», все хоругви, крест и фонарь. Начинался крестный ход. Сначала народное шествие проходило по улице Шегалев до прогона, потом выходили в поле. Невдалеке от села, на придорожной луговине, где наверху дубового столба красовалась резная, с точеными колонками, иконами и крестом часовенка. Здесь отслуживали первый засельский молебен.

Потом вся процессия двигалась по улице Бутырка на сель-

ское кладбище. На кладбищах, около деревянной часовни, отслуживался молебен об усопших. Каждый сельчанин посетил при этом могилки, где покоятся «прежде почившие» его старики. После этого, многолюдная толпа по улице Мочалиха двинулась к улице Ошаровке, где на перекрестке дорог был также отслужен молебен. Позади усадебной земли улицы Слободы, мимо старообрядческой церкви народ пересекал улицу Кужадоницу, двинулся к перекрестку Лесной улицы с прогоном, который ведет в лес.

С колокольни видно, как живая народная толпа наряженным потоком льется по улицам и закоулкам, люди, как вода в русле, как муравьи в растревоженном муравейнике, нетерпеливые ребяташки, птичками перемахивая через прясла загороди, обгоняют пожилых людей. Здесь, на этом перекрестке, с давних пор стоит врытый в землю старый, покосившийся от времени, деревянный крест. Около этого креста остановился народ и весь крестный ход для службы четвертого, завершающего молебна, с водосвятием. Сухой, прокаленный зноем воздух, глушит звуки. В отдаленности едва слышны слова, но резвое чтение Апостола Иваном Васильевичем Акишиным все же доходит и до краев толпы: «Но от семени Аврамова премлет!» – четко возглашает он. И пение хоров преодолевает воздушную разреженную сухмень. Ясно слышны: «Господь просвящение мое, и спаситель мой кого убоются!» Голос Ивана Васильевича Зинова звонко выделялся и носил-

ся над головами молящейся многоликой толпы.

Дьякон Константин Порфирьевич Скородумов старательно провозглашал великую ектинью: «О спасении душ наших, о мире всего мира, о благостоянии святых божьих церквей, о благорастворении воздушных, о ниспослании дождя, об изобилии плодов земных и временах мирных, о плавающих, путешествующих, страждующих, пленных и о спасении душ наших, Господу помолимся!» – «Господи, помилуй!» – отвечает хор. «Да избавитися нам от всякия скорби, гнева и нужды, заступи, помилуй и сохрани нас, Боже, твоею благодатью. Да осенит нас Господь Силою честнаго и животворящего Креста».

Здесь молебен служится с водосвятием, и когда священник Николай погружает Крест в воду под пение: «Спаси, Господи, люди твоя и благослови достояние твое...» На душе каждого христианина становится особенно блаженно-торжественно и благовейно. Потом производится окропление кропилом из кропильницы освященной водой людей и пригнанной из поля к этому времени скотины. Эти четыре молебна, отслуженные в четырех местах села, выражают и символизируют собой ту мысль, что село стоит на столбах-устоях, как бы охраняется этими четырьмя устоями от всякого нашествия и напасти врага и супостата, и на этих столбах зиждется спокойствие и непоколебимость нашего славного и

благоверного села.

Потом вся торжествующая процессия направляется к церкви. Задворки Главной улицы, улицы Лесная, Забегаловка и Мотора запружены народом.

В продолжение всего крестного хода вокруг села с колокольни, не переставая, слышится торжественный мелодичный трезвон и перезвон с перебором во все колокола, искусно выводимый знаменитым звонарем села – Иваном Васильевичем Трынком. От перезвона колоколов ликует душа, торжествует сердце. Люди, разморенные жарой и длительной ходьбой устали и вспотели, особенно досталось хорувиеносцам. Некоторые хоругви, а их было четыре, были особенно тяжелы, так что носить каждую из них приходилось троим. Один в корню и двое вспомогательных. Для того чтобы было легче нести такую громадину, коренник надевал себе на шею специальный ремень, на конце которого, у земли, была специальная металлическая цилиндрическая вставка, в которую вставлялся основной шест хоругви. А вверху к нему прикреплены два вспомогательных шестика, за которые брались вспомогатели.

Во время движения кореннику приходилось напрягать все свои силы по-бычиному. От жары и напряжения пот градом льет со лба, попадает в глаза, заслоняет зрение. Для этой це-

ли добровольно вызывались кряжистые люди, обладающие особой силой и выносливостью. Это Бурлаков Николай Осипович (Магога), Васюхин Иван (Вагон) с сыновьями Степаном и Сергеем, Савинов Михаил (Буян) и Федодовы братья Михаил, Иван, Павел. Хоругвиеносцы с прилежностью и степенством традиционно исполняли свой благородный, нелегкий труд.

От ходьбы хоругвиеносцов хоругви мерно колышутся в вышине; прикрепленные к ним вислячками и набранными из бисера кистями, раскачиваясь в разные стороны, издают мелодичный перезвон, золотом блестят на солнце, посылая в пространство неуловимые отблески. Даже беспомощные старики и старухи, а также маловерные люди выползали из изб, чтобы насладиться великолепием этого благопристойного народного шествия. После крестного хода люди расходятся по своим домам, отдыхают душой и телом. Затем три дня с иконами обходят все село, и в каждом дворе отслуживается молебен. После молебствия с крестным ходом выходили в поле «на межу» – икону «Успения» провожали в другое село. Из нахмурившихся туч накрапывал дождь, земля, истосковавшаяся по дождю, жадно впитывала в себя живительную влагу...

Достопочитаемые грамотные люди села:

1. Священник Касаткин Николай Васильевич

2. Дьякон Скородумов Павел Порфирьевич, впоследствии переведен в Верижки священником

3. Дьякон Скородумов Константин Порфирьевич, занявший место брата. Пламенный старатель церковной службы: во время чтения евангелия в двенадцатые праздники от его концевого возгласа гасли свечи, находящиеся поблизости.

4. Дьячок Вознесенский Иван Павлович

5. Лобанов Михаил Федорович, волостной писарь. Грамотей и законознаватель по гражданским вопросам и замечательных бухгалтер, пользующийся особым уважением у жителей села. До ликвидации Мотовиловской волости (слияние ее с Чернухинской 1919 г.) занимал должность волостного писаря, а затем занялся бухгалтерским делом.

Достопочтенные авторитетные, степенные жители села:

1. Васюкин Василий с сыном Иваном, жившие в Шегале, имеющие каменный дом и богатую бакалейную лавку. Их каменный пятистенный дом был единственным в селе.

2. Лаптев Василий Иванович – владелец большой каменной лавки около церкви.

3. Додонов Михаил Ефимович со своими сыновьями Сергеем, Романом и Михаилом, проживающими на Бутырке, владелец ветряной мельницы и шерстебойки, ревнители и благоуукрашители церкви. Сам старик занимал должность церковного старосты, а сын его Роман – регент замечатель-

ного церковного правого хора. Они также славились как деловые и мастеровые люди.

4. Павлов Алексей Алексеевич, проживающий на Мочалихе, предприимчивый человек в вопросе сбыта детских каталок.

5. Крисламовы, старик Федор (рыбачек) с сыном Михаилом, проживающие на Мочалихе, предприимчивые и деловые люди-труженики, арендаторы водяной мельницы в лесу на Сущевке. К мельнице они пристроили сукнотоптальную машину, в селе имели шерстебойню, а впоследствии (в 1928 г.) открыли небольшую бакалейную лавку, которая находилась на перекрестке улиц: Главной, Слободы и Кужадонихи – в мазанке.

6. Воробьев Алексей Акифьевич, проживающий в Курмыше, имеющий ветряную мельницу – деловой мужик и благочестивый ревнитель в церковном деле.

7. Цапаев Михаил Федорович, живущий в Курмыше, предприниматель в деле сбыта детских каталок.

8. Лабин Иван Ермолаевич – на Ошаровке – предприниматель по сбыту каталок.

9. Капустин Иван Ефимович – на Слободе, деловой и трудолюбивый человек; после революции был волостным старшиной, а в 1929 году построил ветряную мельницу.

10. Каравайкины, проживающие на Слободе, – трудолюбивые большесемейные люди, их семья насчитывала до 20 человек.

11. Касаткины: братья Андрей и Павел с сыновьями, проживающие на Слободе – трудолюбивые и благочестивые люди. Сын Павла, Сергей, ревнитель и блюститель церковного приличия и порядка.

12. Лабин Михаил Ермолаевич – на Слободе – как и брат его Иван, предприниматель по сбыту детских каталок.

13. Данилов Иван Максимович, пользующийся уважением в Кужадонихе, и его сын Григорий Иванович, почтенный и авторитетный человек, специалист в бухгалтерском деле.

14. Зинов Василий Тимофеевич также уважаемый человек. На улице Кужадонихе его дети Иван, Константин, Василий и Анна, состояли в церковном хоре, имели разные голоса: Иван имел знаменитый и непревзойденный тенор, Константин – бас, Василий – альт, а Анна – дискант. Константин к тому же имел замечательную дикцию в деле церковного чтения во время богослужения.

15. Лабин Василий Григорьевич, живший на Главной улице – один из честнейших, деловых, скромных и уважаемых людей села – предприниматель по скупу и сбыту детских каталок. Он и еще двое Лабиных (Иван и Михаил Ермолаевичи), Цапаев Михаил Федорович, Павлов Алексей Алексеевич и Васюкин Иван Васильевич добровольно объединились в так называемый «Трест» по закупу и сбыту детских каталок.

К авторитетным людям села также относились и люди, проживающие в Шегалево: Курчаков Иван Владимирович, самоучкой выучившийся бухгалтерскому делу, Мироновы, Гордеевы, Савиновы. Особенно славился мастер по дереву и ревнитель благоустройства и порядка в церкви Савинов Василий Евстрафьевич. Владельцы еще двух мельниц – Васюнины и Додоковы. А также авторитетные люди – житель улицы Кужадониха Борисов Николай имел небольшую ветрянную мельницу; житель Лесной улицы Суряков Егор Гаврилович, имевший ветрянную мельницу около «Соснового» болота; житель Забегаловки Садов-Купряхин Михаил, имевший ветрянную мельницу, находящуюся на выходе из села на станцию; житель Поповки Аникин Федот, имеющий ветрянную мельницу с маслобойкой; житель той же Поповки Рузин Николфор, имеющий мельницу-просушку. Он же был мастером по металлическим изделиям: ремонтировал всевозможные замки, изготовлял пёрки, столь необходимые в токарном производстве каталок. Токарем по металлу, изготовителем важных деталей к токарным станкам, являлся мастер своего дела Купряхин Александр Васильевич – на Ошаровке. К мастерам по железу нужно также отнести и кузнецов: Миравского Ивана Ивановича (Фараон), проживающего на берегу озера около Живого моста, и Цапаева Алексея, проживающего на Мочалихе. Они выполняли для жителей села все виды орудия и инвентаря, которые изготовляются из металла кузнечным способом, они подковывали лошадей, а лоша-

дей-то в селе насчитывалось около трехсот голов.

Мастером по ремонту всевозможной обуви был житель Набережного порядка Меркурьев Степан. Сапожные мастера Горюновы, Санька и Васька. Мастера по пошиву одежды были Поташкин Михаил Иванович, проживающий на Мочалихе, и приезжий портной Кузьмич. Мастерицы-белошвейки: Анна Пенкриха и Анна Михайловна Муратова (обе мои тетки).

К мастерам своего дела надо отнести мастера плотницкого дела Муратова Ивана Андреевича (Потемкин), проживающего на Главной улице; под его руководством построено множество домов, а также три деревянные церкви: в Вершняках, в Ломовке и в Михайловке. По предположению, он был потомком замечательных храмостроителей, оставшихся на жительство в Мотовилове после постройки церкви в 1834-37 годах.

К авторитетным жителям села относились Бурлаковы, славившиеся особой физической силой. По преданию, их предок Тереха был бурлаком на Волге. Бурлаков Василий до революции служил волостным старшиной. Коренные Бурлаковы проживают по обеим сторонам Главной улицы и были одними из первых поселян села Мотовилова.

Хоревы, Крисламовы и Каравайкины славились как заядлые лошатники; по зимам они ездили с извозом в дальние края вплоть до Урюпина и Астрахани.

Кругловы и Кочетковы в селе заведовали противопожарным делом: они со своими лошадьми дежурили в пожарном сарае. По тревожному сигналу набатного колокола они с двумя пожарными машинами-насосами и с баграми выезжали на пожар для тушения.

В Мотовилове было две церкви и две веры: православная и старообрядческая. Вдохновителями старой веры были начетник-старовер Каравайкин Матвей Павлович, проживающий на Слободе, его поддерживали Сучков Яков Поликарпович и Комаров Яков Иванович .

К авторитетным, степенным и почетным людям села относились также Акишины (Крестьяниновы): дедушка Василий и сын его Федор Васильевич; Малафеев Иван Федотович и Шмелев (Савельев) Василий Ефимович (мой отец), проживающие все подряд на солнечном порядке чуть ли не в самой середине Главной улицы. Эти три фамилии являются одними из первых основателей села Мотовилова.

В начале XX века жители Главной улицы села своими домами располагались так, от прогона на Красном порядке:

1. Шмелева Анна (Булалейка)
2. Крисламовы (Смычковы)
3. Малафеевы (Федотовы)
4. Шмелевы (Савельевы)
5. Акишины (Крестьяниновы)
6. Малафеева Настасья
7. Пучковы (Садовы) Трынок
8. Бурлаковы (Рычаговы)
9. Владыкины (Акулинины)
10. Хоревы (Большие)
11. Аникины (Грунины)
12. Муратовы (Потемкин)
13. Лабин Василий Григорьевич
14. Крюковы
15. Лабины
16. Шутовы
17. Железины (Мальцовы)
18. Пучковы (Дыбковы)
19. Бурлаковы
20. Молодцовы

Жители противоположного порядка:

1. Молодцовы (Кулымановы)
2. Лабин Сергей Никифорович
3. Лабины
4. Крюковы (Силиновы)

5. Суряковы
6. Даниловы (Соловьевы)
7. Поляковы (Пшенисковы)
8. Санька Лунькин
9. Бурлаковы (Старшинины)
10. Хоревы (Максимыч)
11. Бурлаковы (Бобровы)
12. Лобановы (Гавриловы)
13. Бурлаковы (Терехины)
14. Акишин (Жижа)
15. Жарковы
16. Купряхины
17. Лобановы (Семынькины)
18. Жарков Яков Спиридонович
19. Поляков (Ванятка)
20. Шмелев Осип (Цацуня)

В селе также были и люди, так сказать, веселого и легкого поведения. К веселой компании принадлежали Лабин Сергей Никифорович (который во время провозглашения революции в городе Н.Новгороде имел возможность награть у купцов всевозможных вещей и добра: граммофон, часы, ружье и гармонь и других предметов, его шурин Додонов Иван Евдокимович , переехавший на отрубное местожительство Лобанов Яков Иванович – бухгалтер, Лобанов Василий Федорович (панюня), зять Цапаева М.Ф. обер-жулик, ставший

продавцом бакалейной лавки Треста. Садов Иван Михайлович (сода), карточный шулер, набегающий в Мотовилово из Чернухи; Турутин Василий, жмот и гастролер, заядлый картежник и игрок в деньги. Вот вся эта компания сходилась вместе, выходили с ружьями и собаками в лес на охоту или же собирались в одном доме, играли в карты на деньги, у них вино лилось рекой, к ним примыкали веселые женщины: Пашка Муратова, Дунька Макарова, Кокурочка и другие, и вся эта веселая и пьяная свора играла, плясала, пила и вела распутную свою залихватскую жизнь на услаждение своих похотей и на зависть некоторых жителей села.

Были в селе и несколько человек пьяниц, которые почти ежедневно выпивали, напивались, постоянно обитали в шинках, пьяными бродили по улицам села, горланили песни, куражились. Это 1. Акишин Иван С. (Жижя), в свое время побывавший на золотых приисках в Сибири и хвастающийся золотом, якобы привезенным им из Сибири. 2. Его дружок Лабин Никифор 3. Трошин, тоже Никифор (мясник-спекулянт) 4. Луй и др.

Большинство же жителей села – люди трудолюбивые и степенные: большинство имели своих лошадей, пахали землю, трудились в своих хозяйствах, в поте лица своего добывали свой хлеб. Но жили по-разному: у одних хозяйство процветало, у других же, несмотря на труд и хлопоты, в хозяйстве

не клеилось. Тут, видимо, дело в согласованности, в расчетливости и бережливости.

В настоящей повести я вывожу несколько действующих лиц, особенно типичных для жителей села, в большинстве проживающих на нашей Главной улице Мотовилова. Это, прежде всего, мой отец Шмелев (Савельев) Василий Ефимович, которые являл собой замечательную среди жителей села личность.

Вот его портрет: среднего роста, черноватый, аккуратный и бравый, с приятным молодцеватым лицом; с молодости и до самой старости регулярно брил бороду, отрастил пышные усы, которые любил браво подкручивать. В ту пору немногие мужики села брились, а Василий Ефимович, имея свою добротную бритву, искусно брился в бане во время мытья, не пользуясь при этом зеркалом, а бороду выбривал безукоризненно. Имея крепкое телосложение, незаурядное здоровье и дюжинную силу, он был заботлив и трудолюбив. От природы он был левша, но сила и ловкость обитала у него в обеих руках одинаково.

Комплекция Василия Ефимовича была всегда упитанной, лицо овальное, полное, брови дугообразные, черные, волосы так же черные, прямые, линия волос над лбом венцеобразная, лоб широкий. Глаза черные, нос средний, закруглен-

ный, носдри полускрытые. Рот средний с горизонтальными углами. Губы тонкие, подбородок закругленный. Уши среднего размера, овальные, со слегка отвисшей мочкой, шея крепкая. Характер твердый, вспыльчивый, не допускающий возражений, когда он всем своим существом чувствует, что прав. Темперамент подвижно-живой с деятельной тенденцией. Голос – тенор, речь внятная, краткая, назидательная. Не особенно общительный, имел склонность к уединению. Поведение скромное, совестливое, с реальным подходом к делу. Не любил пустословия, любил пошутить. Не табачник, но изредка закуривал в компании за выпивкой и всегда имел в запасе пачку папирос, любил угощать курильщиков. По праздникам любил поднарядиться. Любил опрятность и чистоплотность.

Мне помнится такой случай. Отец, будучи охранником пленных австрийцев в Арзамасе, выменял у них краги, бритву и две сигары. Эти две сигары с полгода, наверное, хранились у нас в шкафу; время от времени к отцу приходили молодые мужики и парни-женихи и просили покурить сигару. Папа, конечно, разрешал и давал каждому любителю покурить столь ароматной заграничной сигары. Мужики курили, хваля сладость табака, улыбались, пускали с приятным запахом дым по избе, и все было приятно нюхать этот пахнувший городом дымок. После нескольких затяжек мужики передавали горящую сигару из рук в руки, досыта накуривались и

затем снова возвращали папе сигару. Он клал ее снова на верхнюю полку шкафа. Уходя, мужики благодарили папу за угощение и обещали снова заглянуть к нам, покурить сигару. Василий Ефимович имел здравый рассудительный ум, трудолюбивые руки, твердый характер, крутой нрав и доброе, горячее сердце. Не был лишен и сентиментальности. Малограмотность стала трагедией в его жизни в пожилых годах. Он умело и расчетливо вел свое крепкое во всех отношениях хозяйство, заботливо радел о пополнении его, вводил новшества, завел добротную лошадь Серого, завёл добротный инвентарь и сбрую, две веялки и молотилку. Рано выезжал в поле, любил пахать и косить босиком.

Семья Василия Ефимовича в 1920 году состояла из его самого – хозяина с 1890 года рождения, жены-хозяйки Любовии Михайловны с 1891 г.р., его отца Ефима Савельевича с 1870 г.р, его матери Евлинии 1872 г. р., сына Михаила с 1908 года рождения, сына Александра с 1910 г., дочери Марии 1913 года, сына Ивана 1916 г., сына Василия 1920 года рождения.

А к 1930 году его семья пополнилась еще тремя детьми: сын Владимир 1922г., сын Никифор 1925 г. и дочь Надежда 1930г. Дедушка Ефим умер в 1919 году, брат Василия Ефимовича Алексей Ефимович (Пенкроф) – грамотный и прогрессивный человек, пропал безвести на Гражданской вой-

не, его жена Анна Евдокимовна (Пенкриха) осталась жить в верхней избе двухэтажного дома, принадлежащего Савельевым-Шмелевым, эта верхняя изба досталась Алексею по жребии при дележке с Василием Ефимовичем.

Жившие по левую сторону от Савельевых шабры Федотовы (Малафеевы) тоже заслуживают внимания: хозяин дома Иван Федотович с 1885г. рождения был старательным, трудолюбивым семьянином и крестьянином, имел большую дружную семью: жену Дарью, дочь Татьяну, сына Михаила – большого роста и обладающего неимоверной силой, сына Ивана, сына Павла, сына Сергея, сына Саньку и дочь Нюрку. Вся эта семья состояла из крупных и крепких ее членов, воспитанных на хлебе, картофеле и квасе. Сам хозяин не совсем упитан, но жилист и крепок, выше среднего роста, с худощавым лицом и жидкой бородкой русого цвета.

Вся последующая жизнь Ивана Федоровича прошла в заботах по женитьбе сыновей, дележки семьи и по постройке домов каждому отделяющемуся сыну.

Жившие по правую сторону от Савельевых соседи через пробел Крестьяниновы (Акишины) – эта семья состояла так же из девяти человек: сам хозяин дома Федор Васильевич с 1885г., жена-хозяйка Анна, отец Федора дедушка Василий, мать Федора бабушка Дуня, сестра дедушки старуха Алек-

сандра; сын Алексей, сын Мишка, дочь Анка и сын Пашка. В этой семье царил полный крепостной порядок, хранимый стариком Василием и поддерживаемый хозяином Федором, характерной чертой портрета которого была лысина во всю переднюю часть его головы. Это хозяйство велось скрытно от постороннего глаза, особо расчетливо и скупно. Недаром почти все члены этой семьи жили обособленно и отчужденно друг от друга, воспитали в себе хитрость, корысть и жульничество. Старики считали себя религиозными нечетниками, но попов недолюбливали – в церковь ходили редко.

Через дом от Крестьяниновых (в пятистенном доме, где проживала Настасья Булатова) проживал Трынков Иван Васильевич, мужичок небольшого роста, с рыжеватыми волосами на голове, подстриженными вокругяпку, вялый в движениях, простак. Мечтатель. Почти всю жизнь свою провел в церковных сторожах. На той стороне Главной улицы проживали Батманов Осип – кряжистый пожилой мужик, свою непомерную силу израсходовал на рытье канав в лесу, корчевал коряки, заработав на этом золотые монеты и грыжу. Через дом от него проживал Забродин Яков – черный, как смоль, заядлый курильщик, обладал чудачеством. Всю свою жизнь сторожил: (ВИК, кооператив, колхоз). Через проулок жил Селиванов Семион – престарелый седой косматый мужик, землепашец и рыболов, табачник и картежник. Имел невзрачную пегую лошаденку. Весь век пребывал в бедно-

сти.

По соседству с ним – Кочеврягин Митька, рыжий парень-сирота, жуликоватый и вредный озорник, собачник и охотник. На Моторе проживал Тарасов Степан, утруждающий себя непомерной работой. Спал ночью, не разуваясь из лаптей, имел двух лошадей, которых доводил работой до полного изнеможения.

Там же проживал Оглоблин Кузьма Дорофеевич, мужичек легкого с ленцой поведения; любил почитать книги, целился попасть в какие-нибудь начальники. Его хозяйство не процветало, а расцветало, чему способствовала его жена Татьяна. Самым забавным действующим лицом этой повести, пожалуй, будет Ершов Николай. Человек двойня низменного кряжистого росту с рябоватым лицом, неторопливый, вялый в разговоре, любитель хвастливо похвалиться своей силой, в специальностях – универсал: невзрачный охотник, любитель рассказывать о своих любовных похождениях и другие забавные истории.

Смирнов Николай Федорович – бравый виртуозный мужчина, боевой, смелый.

Санька Лунькин – вечный холостяк, разложитель отцова добра.

Санька Савельев – культурный жених-грамотей.

Яшка Дураков – гармонист, поджигатель, бандит

Васька Демьянов – осодмилец-активист.

Учитель Лопырин Е.С.

Небоська А.А. – каратель пред Вика.

Рахвальский Ф.З. – председатель промартели и сельсовета – уклонист.

Лобызовский М.П. – начальник рай. милиции.

Федосеев Н.Аф. – председатель колхоза.

Статников Е.Л. – активист-бригадир.

Устинья Демьянова – делегатка-шинкарка.

Дунька Макарова – разгульная – шинкарка.

Анна Гуляева – знахарка деревенских новостей.

Татьяна Оглоблина – многодетная баба с ленцой.

Настасья Булатова – большая барыня – «корыто».

Анисья Булатова – молодая степенная вдова.

Дунька Куварзина – молодая разводка, дерзкая на язык.

Наташка Статникова – фартовая невеста.

Вот, пожалуй, в основном и все действующие лица, которые чаще всего будут встречаться в повествовании. Исходя из тактических соображений, некоторые имена и фамилии мне пришлось изменить. Применяя в допустимых пределах авторский домysel, и в некоторых местах пришлось несколько отступить от действительности.